

Саша Немировский

ТОЧКА ОБЗОРА

Короткие произведения разных лет /2014–2016/

Sasha Nemirovsky

VISTA POINT

Illustrations by **Pavel Tayber**

Cover by **Alla Viksne**

Corrector **T. Strogonova**

ISBN 978-1-5323-1596-1

Library of Congress Control Number: 2016951582

© **Woodside Publishing, Sasha Nemirovsky**
USA, California, Woodside, 2016

Вместо предисловия

Наступает такое время, когда хочется остановить бег, перейти с рыси на шаг и посмотреть вокруг. Для этого неплохо забраться на обзорную площадку. Что, собственно, я и сделал. И, забравшись, попытался передать, что же я увидел, почувствовал, кого и что встретил и что вдруг понял.

Пишу ли я призраки – или они определяются как Американская литература на Русском языке? А годится ли вообще Русский язык для отражения нашей американской жизни, или это такие разные цивилизации, что любое описание всегда неточно? Русский читатель не поймёт, а американский не увидит?

Допущение, что «да, годится», основано на общих еврейско-христианских культурных корнях как Америки, так и России. А также уверенности, что я прав, пытаюсь это сделать, придаёт ограниченное признание моего творчества среди узкого слоя русских эмигрантов, людей, которые смогли давно интегрироваться в американское общество и найти себе в нём место..

Я по-прежнему остаюсь верен «джаз-поэзии» – так что в этой пятой по счету книге ничуть не меньше музыки, чем и в предыдущих. Появился новый поджанр пейзажей, ведь описывать природу, города и чувства, которые они вызывают, можно не только в прозе. Дальнейшее развитие получила философская ветка – читатель найдёт несколько картин на вечные темы бытия, жизни и отношений с Создателем.

Как и предыдущие книги, «Точка Обзора» – это не просто компиляция разрозненных стихов: произведения стоят в одной последовательности, перекликаясь и создавая общее полотно. Содержание ограничено хронорамками 2014–2016 годов.

Книга состоит из двух частей – так сложилось что когда я собрал поэзию периода вместе, она потребовала контраста.

Так что вторая часть книги включает несколько правдивых историй, мимо которых я просто не смог пройти, а также и воспоминаний, которые не хочу забыть.

Комментарии, отзывы, просто контакт – www.nomer.us

Ваш автор

Don't know if a large
collection of my drawings
can be
found in
mine

to
the
river
at
the
end
of
the
road

D Taylor

День первый

А что, стихи всё равно о чём?
Это как отправиться в плавание
На кораблике из рифмованных строчек.
Подбирая желаемое как главное,
Помня, что Бог создавал мир ночью.
Почерк
При таком раскладе был неважен.
Когда мироздание
Зазвучало – в нём уже была рифма.
Кораблик, забитый переживаниями, как поклажей,
Лавирует между рифов
Сознания.
Намокает бумага – лишь бы не сесть на мель.
В нулевой тишине первый звук есть бесконечность.
А когда растает первое слово –
Это первый рассвет. Первая цель –
Вечность.
Умирующий звук – готово.
Рассыпается светом вселенной. Трель
Птичья ещё не сделана,
А то бы она звучала.
У кораблика ещё нет причала.
У нас с тобою ещё нет тела.
Но есть начало.

(070314)

День шестой (фрагмент)

Мне было одиноко, и я создал себе собеседника.
Так нога подбирает опору под шаг, иначе - зачем нога?
Слово, обречённое в форму звука, –
Суть, существующая без посредника,
Разбитая на слога,
Требует наличия уха.

«Здорово!», - сказал я ему тогда.
Но слово ещё не могло ответить,
Бессильно,
Глазами лупало и месило воздух,
Крыльями, как руками, держась за ветер,
Принимало позы
Из одних гласных.
И лишь когда я обрезал ему крылья,
Между нами возникла ясность.

«Пора», - я подумал, кивнул
И придал слову время,
Чтобы отделить звуки друг от друга, -
А по-другому в них нету прока.
И наш контакт получил глубину
Ещё одного измерения.

Он посмотрел на меня без испуга,
И я понял, что ему одиноко.

(150816)

Отражение письма

В эпоху электронной почты
Странно чернильной ручкой прожимать бумагу.
Мысли путаются за почерк.
Слово не заменишь без того, чтобы не зачеркнуть.
Я приветствую тебя из теплой калифорнийской ночи,
Прекратив работу, отвинтив заветную флягу
Скотча,
И, разбирая прошлое, - что там к чему.

Отказы памяти ещё не переходят в бессилье тела,
Но время – это количество изменений,
И их не счесть.
Смутно представляя черты лица,
Я чётко помню, ты часто ела
На завтрак яйца,
Почему-то разбивая их с тупого конца.
Я же, когда приходилось, заходил с острого.
Предпочитая разрубать ситуацию,
Нежели её решать.
Потом мы мирились. То есть, просто
Я уступал, чтобы снова начать дышать.

Мы громыхали гитарой, запивая звук «джином с тоником».
В томике
Любимых стихов залапывали страницы,
Цитируя без повода или предлога,
Когда всё остальное вызывало зевоту.
А теперь, разве что стальная рыба «боинга»
Прошумит над крышей, а так, в основном, птицы,
Берущие высокую чистую ноту
По утрам, пока ещё не случилось ничего плохого.

Нас давно разнесло на диаметр шарика.
Шайка
Распалась. Ты выбрала терпеть ревматизм севера.
Я же предпочёл цвета юга, жару и зелень.
Мы остались в слайдах на стареньком
Проекторе в полинявших красках, со сбитым фокусом.

В канители
Лет операционную систему сервера,
Общую для двоих найти, – как остановить движение -
Невозможно. Мы были слишком близки.
Ты обнимаешь незнакомых друзей,
Я, для поднятия тонуса,
Читаю, хожу в музей
И употребляю виски.
Но забывается лишь таблица умножения.

Мне проще писать, чем бояться разочарования встречи.
Непроверенный номер в моем мобильнике останется
ненажатым.
Время глушит и притупляет. Ничуть не лечит.
А жаль,
Легче бы не испытывать ненависть и обожание.

(270616)

В тени камней

В памяти горит свет.
Закат, отражённый от белого камня.
Холмы. Их линия медленно сходит на «нет»
У горизонта. Город, натянутый на подрамник
Времени. История, резонирующая прямо в кровь.
Да, я уже бывал здесь и господином, и смердом.
Я - частица этих склонённых голов,
Что под открытым небом
Строят берега добра
Размером и ритмом
Своей молитвы.
Паломники. Кошки. Детвора.
Пустынных улиц стоптанные плиты.

Я снова здесь, как раньше, и не так.
Хозяин, заскочивший в гости. Просто
Придавлен памятью. В ней старый лапсердак
Никак
Не подгоняется по росту.
Я к плёсу
Площади у Западной стены
Вдруг выброшен без всякого нажима.
Я - нерождённый сын моей страны –
Иерусалима.

Теперь ведом невидимым лучом
Сквозь трещины за каменную кладку.
Туда, где был и не был я ещё,
К началу, что в сухом остатке,
Не изменилось.
Можно, возвратясь,
Найти свой камень, чтобы прислонясь,
Почувствовать себя среди народа,
Когда, сквозь арку незаложенных ворот,
Взгляд видит чётко сущность небосвода,
Как связь времён, а не наоборот.

Как блоки стен надеты на линейку –
Лежат века. Но их не охвачу.
Я город пробегаю по лучу.
За башни, переулком, по ступенькам.
Я здесь молился, жил.
Теперь молчу.

(180314)

Письмо к Р.

Привет, дорогой!
Как там с известностью в узких кругах?
Поздновато пришла.
Мы с молоденькой кралей рядом смотримся странно.
Ты пропах
Табакон. А рука, потянувшись с дивана
К его изголовью, впотьямах
Прошуршав,
Обнаружит таблетки
Вблизи от стакана
С водой.
Мы глядим, как из клетки,
С локальной вершины на местность под нами.
Бог мой!
А там всё распутье и грязь.
И что эта слава -
Попытка бессмертья с презренным металлом
В кармане?
Может, просто пожить, претворясь
Вдруг сошедшей звездой?

Только то, что мы пишем, не станет героем кино.
Настоящие звезды далече.
Здесь, внизу, нам доступно лишь их называть.
Потому это дно,
Что воздействие речи
В поколеньи, пришедшем на смену,
Стремится к нулю. Им нельзя навязать
Ни любви, ни почтенья к трудам.
Даже если впихнуть нас на сцену,
Стадион не всплеснется волной.
Над толпою
Цветам
Не взлетать. Мы с тобой
Скорее дорога, чем воплощённая цель,
И с весьма незавидной судьбою.

Так что, цитадель
По названию «слава», когда в заповеднике узком
Само обитание нас под вопросом?
А после,
Да, после придут переростки.
Им кто-то другой пусть толкует по-русски.

(300416)

* * *

Потому что я мёртв,
Я не слышу мотив откровений.
Потому что я мёртв,
Больше красок не вижу. А в мире
Я теперь обитаю в царстве растений
И конечно, в эфире.
Как забившийся в фьорд,
Непогод
Избежавший кораблик,
Потерявший в тумане дорогу обратно в моря.
Я мечусь по воде
И пребольно карябю
Иногда об утёсы борта.

Потому что я мёртв,
Я живу в том тумане, приглушен.
Ничего не зовёт, ведь беспечность не может болеть.
Что печаль и что смех? Мне на душу
Надели бируши.
И глаза разучились смотреть.

Свой в рубаху кажусь на любых карнавалах.
И, конечно, печален, когда наступает беда.
Неприметен ничем, потому что меня очень мало.
Протяжённое время давно не делю на года.

Я, конечно, не жив,
Потому что живые не помнят.
Размышлять и вздыхать — то удел мертвяков.
Только память меня полной грудью накормит.
Тишина и туман — как надежда и кров.

(200114)

* * *

Это время детей, для меня собирающих камни.
Но, увы, не учитель, я сам ещё тоже учусь.
Отбирая здоровье, прошу, только память оставь мне.
Я, наверное, детям, что слышат Тебя пригожусь.

Это время набора ошибок, повторов.
Где в наушниках уши. Кричи ли, шепчи ли, пиши.
Но по капле сочится великая мудрость, которой
Удостоен зародыш, конечно, бессмертной души.

Озерца из любви пересохли ручьями надежды.
Я ступаю на дно и иду там, где светится смех.
Пусть мне камни встречаются в русле все реже и реже.
Это время детей, за которых в ответе. За всех.

(130714)

Концерт русского хора

Вокруг меня шумела Русь.
Волна, как православный хор,
Катила к горлу через грусть
Комок.
И лился свет над городом.
До гор
От пляжей долетал, как вздох,
Порыв гармоний.
Чуть колыхался времени полог
На доме
Кармелитского аббатства.
Короста нелюбви с души счищалась
Музыкой. И кроме
Звука ощущалось
Братство.
Свое с Тринадцатью,
Которые последний сейдер
Проводили вместе.
Я был допущен.
Слушатель последствий,
Попавший в сети
Первого столетия.

Метя пространство времени,
Я шёл по нитке звука.
Непрочна пусть.
Пусть не ремень —
Лишь нить.
Но не было испуга,
Что перервется, или что споткнусь.
Допущен был. Не позабыть —
Стоял так близко.
Вокруг меня шумела Русь
Средь Сан-Франциско.

(100215)

Следы

Я научусь читать слова святой земли.
Вот дерево, проросшее сквозь камень.
Котёнок, копошащийся в пыли,
Над ним, в велосипедной раме
Перебирает смуглыми ногами
На бизнес наострѐнный бедуин,
Так что рука моя спешит в кармане
Потрогать кошелек.
Иерусалим
Шумит вокруг и равно безразличен
К прохожему или к пророку.
Вниз глядя с высоты веков, – они похожи.
Но кто же
Сумеет посмотреть на это сбоку?

Так неприлично,
Маскируюсь под чужую душу,
Я, прикрываясь то кипой, то шляпой,
Шагаю за молящимся и трушу,
Что не смогу, не подчинюсь порогу,
Перешагну. Что клапан
Времени, впускающий туда,
Уже не выпустит обратно,
Что, как бы ни хотелось на попятный,
Уже не смочь.
Людская человечества руда
Так переходит в дух, в молитву и в отвалы прочь.
Так в ней встречаются слова – святые пятна.

(100514)

Элегия

Дорогой, память уже начинает отказывать,
А цифры о нас теряют точность,
Мешается всё – хорошее, плохое, разное.
Но видна любовь, издёрганная на прочность.

Теперь, настоящих, нас совсем немного,
Отсеялась приятелей шелуха,
С которыми, иногда надолго,
Удавалось выпадать в осадок.
В итоге жизнь получилась не так плоха,
Хотя и полна вкусовых присадок.

В этот день юбилея
Принято говорить пожелания и дарить подарки,
От которых ты, млея,
Переоценишь прожитое в запарке.
Пусть же всё случится, как должно.
Главное – чтобы душа не мелела,
Потому что с обмелевшей душой
Жить пошло.

Давай останемся на подольше
Верны себе. Даже когда государства больше
Между собой не ладят,
На них плевать.
Но однажды, севши на велосипед,
Чтоб не упасть,
Приходится крутить педали.

А помнишь, когда мы ещё ходили пешком,
С нами приключались девочки,
Как теперь у наших детей?
Юность, талия, перехваченная ремешком,
И масса важных, несерьезных идей?

Наша жизнь пролегла, в основном, порознь.
Я даже не знаю, есть ли общие темы, кроме детства.
Нам есть о чём помолчать, чем по-пустому елозить
Словами в разговоре, от которого нельзя согреться.

С точки зрения сверху,
Если сродство душ противоречит сознанию,
То разум – временная нашивка.
Вот я смотрю на подножие
Своего будущего памятника
И вижу корни тысячилетней секвойи.
Это ошибка.
Такая масса времени обозначает праведника,
А это не к нам. Оставим тему в покое.

Оставим и возвратимся в страну костров,
Она похорошела от высоты лет.
Посмотрев вниз,
Наивность минус надежды снов.
Остается дружба, от которой исходит свет.

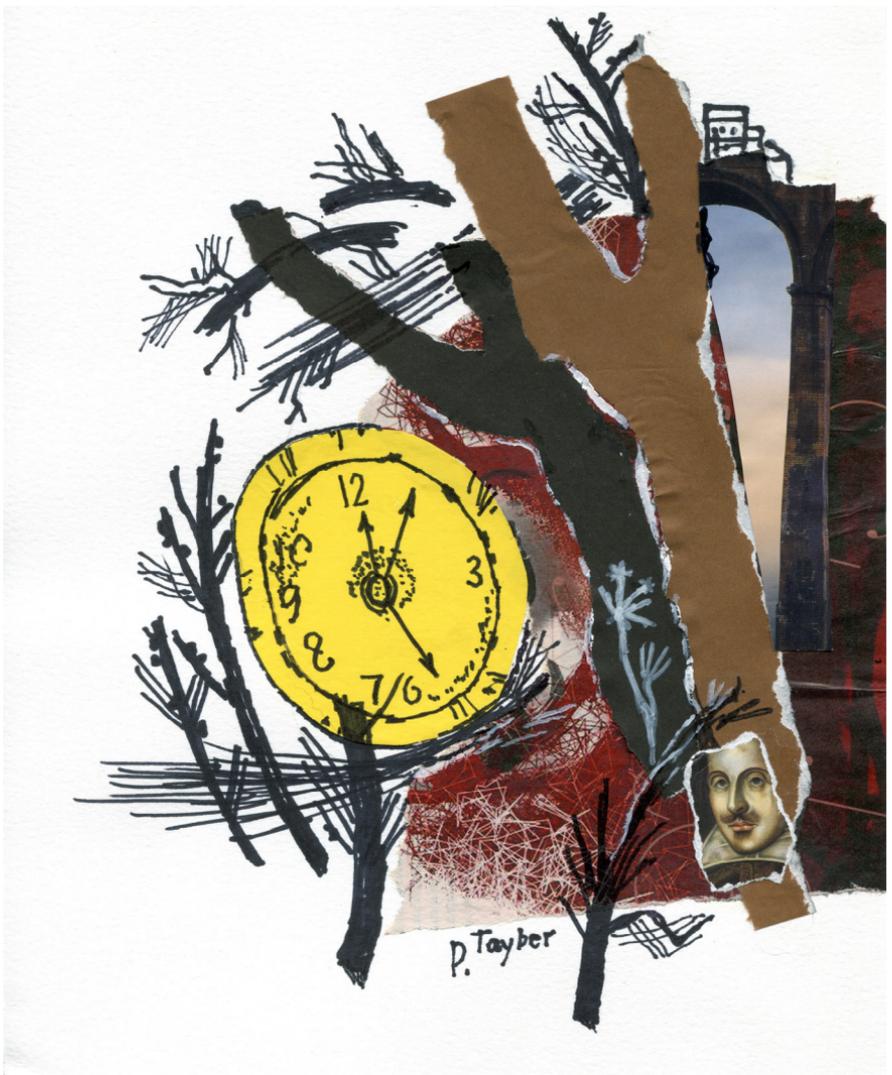
(180314)

Сюрреализм

Прилег поспать. Но был разбужен мухой,
Какая пруть!
Громко она стучалась в стёкла,
Зло жужжа.
И я подумал, надо бы собраться с духом,
Проснуться, выпустить или прибить.
Но в такое пекло
За тварью невозможно погоняться.
И я дождался. Не спеша,
Открыл глаза, почувствовав, как лапки
Мне щекочут кожу
На ягодице,
Приподнялся...

Напрасно я рукою крался,
Сильно шлепал. Убийца
Из меня спросонья всё же
Никакой. Разбитый сон,
И в нем летает муха.
И образцом,
Точнее отпечатком дури на задней части
Прячется шлепок.
Как оплеуха.
Не дай Бог,
Кто его увидит, - стыдно и не объяснить
Такой напасти.
И что ли в баню не ходить?..

(270716)

Крымская элегия

Эпоха внезапно перевернулась,
Брюхом проломив время.
История испуганной птицей бьёт крыльями по луже
Памяти в раскопках смысла.
Обиженные изнутри и обожжённые снаружи,
Мы мечемся по арене,
Пытаясь разглядеть, что над всеми повисло.

А повис и спускается вниз двадцатый век,
Поедая простор, привычная сгущается тьма
От центра, в котором снова один за всех
Ко всем, посходившим опять с ума.

И катит волна на свет – вновь идет исход.
Выплескивает наружу. Третий пустеет Рим.
И больно видеть не то, что один народ,
А режет болью то, что народ один.

История переписана.
Кто её разберёт
По частям? Под швы памяти не подсунуть нож
Освистывания.
Страшно не то, что диктатор врет,
А то, что все верят в ложь
Истово.

На четвертом сроке правления
Полнота власти видна невооружённым взглядом.
Избавление
От надоевшей супруги не встречает сопротивления.
Парады
Не требуют приказа. Население,
Подсаженное на патриотизм, забыв про голод,
Глядит в рот.
Есть объявленный враг. Диктатор молод.
И ему ещё не пора в расход.
Город

Продолжает зарастать подлеском
Опустевших лиц и горящих глаз.
Дымно. Дыхание отнимает силы. Вместо
Долей секунд вдох занимает час.

Прохожие, погоняя свои хлопоты,
Месяц мартоноябрь слякоти,
Кутаясь в пёстрые,
Приспособленные под погоду, одежды.
В мякоти
Наступившего времени ощущаешь возраст –
Это когда количество опыта
Превышает количество надежды.

(241114)

Москва

Отпусти меня спать.
Не держи мою душу беседой.
Через тысячи миль я не чётко внимаю словам.
Что любовь вспоминать?
Не получится, как ты ни сетуй
На сложившийся век,
Что приходится жить пополам.
Твой свободный побег
Вырос вширь. Стал похож на колючки узор.
В лабиринтах его заблудились слепцы.
На позор
Тебя твёрдой рукою ведут под уздцы,
И внимательно смотрит дозор.

Да, бывают надежды,
В которые больше не веришь.
Что из всех покосившихся изб
Перестанут выбрасывать сор.
Поддаваться невежды
Перестанут злодеям,
А за всем приглядит мудрый дервиш
И рассудит вскипающий спор.

Только где тот мудрец?
Через шарик насквозь проступает другое –
Как наказан народ, потому что забыл, не простив.
Отпусти меня спать, наконец!
Одари мою душу покоем.
Я певец
Языка, на котором лишь горе блестит.

(120415)

* * *

Ну дайте мне хоть одну эпоху со счастливым концом!
Чтобы успеть родиться, пожить, умереть.
Россия, я всматриваюсь в твое лицо,
Как тебя угораздило такой, ведь-
мой век не настолько долгод?
Неужели нельзя было прибавить солнца?
Ну почему героини всё время сигают в Волгу,
А герои пьют «коктейль комсомольца»?

Что это за людская порода,
Где не приживается весёлая литература,
Кроме разве что детской?
Почему дети вырастают в уродов
Сердца?
Даите мне хоть одну эпоху, от монголов
И включая сегодня,
Чтобы в ней хотелось родиться, прожить (не голым)
И в свой час уйти спокойно.

Даите хотя бы книгу со счастливым концом!

(090314)

Путешествие в Москву

Ты по-прежнему хочешь, чтобы я прилетел?
Чтобы таможенник с каменным ликом
Шлёпнул штамп
Звуком хлопнувшей двери,
Выпуская меня в толпу встречающих тел,
Приветствий и криков,
В освещении тусклых ламп,
Проверив, но не поверив?

Чтобы я прикинул на пальцах
Одной руки
Всевозможные лица,
Которые меня еще вспомнят?
К этому по набережной. Подъезд с реки.
К этой можно не торопиться.
А с этим лучше в кафе, там хотя бы накормят.

Да если и прилечу, то ненадолго.
Чтобы не успеть привыкнуть к навесным дождям,
К положим,
Непроходимым вброд площадям,
Чтобы только
Успеть повидать этих немногих,
Прикипевших к своим вещам,
Что в итоге
Переживают своих владельцев.

Прилететь, никуда не деться.
Отыграть моноспектакль гостя,
Сверкнуть блесной,
Хотя актер из меня с натяжкой.
Образ в ложь сорвётся,
Сомнётся,
Фальшивя обои, диван, чай, печенье.
На память останется кофейная чашка,

То, что я грустил весной
И всегда плыл против течения.

Мимо закрытого входа в метро «Южное»
Торопился домой
Через свистящую непогоду.
Зачем я здесь? Что поправить?
Прилететь. И кому это нужно –
Мыслями входить дважды в одну и ту же воду
С расстоянием между берегами всего лишь в память?

(220415)

Новозеландский пейзаж

Навигируя асфальт по Зеландии,
Переосмысливаешь размеры земного шара
И его движение по орбите. Мантию
Суеты, сотканную из жара
Работы,
Заменяешь на плавки.
Северные широты
Используешь лишь для справки
О финансах при оплате за кров
В местах постоя,
Там, где поголовье овец и коров
Значительно превосходит людское.

Удивляешься на Млечный Путь
Из светящихся червяков,
Живущих во тьме пещер,
Где своды и тишина не давят на грудь;
На водопады из ручейков,
Несущиеся через щель;
На апрель
В Квинстауне
В жёлто-зелёных пирамидках из тополей.
Берёшь паузу на печенье-брауни
С чашкой латте
У озера, где уходит в плавание
Пароходик, которого не дождаться обратно.

Потому что ты одноразовый гость,
С перспективой мотеля
В сотне километров к югу отсюда.
И уже давно пора катить из апреля
В май фьордов, толкая трость
Переключения скоростей, подспудно
Сожалея
О краткости срока,

То есть о плотности впечатлений в единице времени.
От этих мест не хочется проживать врозь.
Но столько
Человеку не отпущено в одном поколении.

(090514)

The 49-er (Сорокадевятник)

Золотоискательский городок,
Застроенный офисами хай-тека.
Отрог
Горы. Паркинг.
Электромобиль мордой у перевязи –
Кормится через провод.
Арка.
Старенькая библиотека,
Подающая повод
Вспомнить о книгах, как способе связи
С первобытной культурой ушедшего века.

Старатель, не ведающий одиночества,
Ковыряет айфон –
Но переходит к компьютеру,
Когда становится нестерпимо.
На экране, как фон,
Бежит незакрытый чат.
Равнодушный к почерку,
Он стучит пальцами.
Слушать муторно
Как строчат.

Пилигримы
Из туристов-скитальцев
Чириликают фотки
Викторианских зданий
На фоне вывесок мировых фирм.
Залив. Порт. Высотки.
Боевик-фильм.

Герой. Конечно же, герой-одиночка.
Благородный, непобедимый.
Где-то это уже было.
Сюжет, убедительно
Проходящий через точку
Невозврата
Из азарта
Погони за золотой жилой.
(100714)

Дон Хуан

Я смотрю на девчонок взглядом патриарха.
Вот эта, пожалуй, подойдет моему внуку.
Бёдра, фигура, одежда – чуть-чуть неряха.
Впрочем, это поправимо, я давно набил себе в этом руку.
Мой зайчонок.
Он тоже не ахти какое сокровище –
В таких передрягах, что лучше бы и не попадать.
А девчонка хороша. Стоящая.
Так и хочется сбросить лет двадцать пять.
Я ведь «еще да».
«Папик» вполне на выданье.
Было же приключение год назад в Ницце?
Тоже точеные ножки. Талия.
Приторно.
Так и не удалось измениться.
Лица.
А сколько их было?
Цифры – утешение для слабого тела.
А, занервничала. Чувствует мой взгляд.
Обернулась. Нет, не видит. Еще бы!
С моим-то рылом
Куда тут в калашный ряд –
Скорей, в чащобу.
Кажись, стоит без дела
Ан нет, телефон зажат.
Кавалера
Ждёт? Или может, подруг?
Каблучки высокие, туфельки чуть дрожат,
Как рифмуются.
А вот и он, переходит улицу.
Узнаю походку – ну точно, мой внук!

(260114)

Вид на Руан

Соборная площадь. Дождь.
В высоком окне
Напротив стоящего дома
Клод Моне.
Он рисует дрожь
Резьбы на камне.
Холст весь в огне.

От собора, по улице, лет за пятьсот до,
Катится телега.
В ней девчонка.
Оковы, зацепленные за дно.
Смотрит волчонком.
Затравили. Нет времени для побега.
Так суждено.

Рынок плещется вокруг развалин церкви.
Новая стоит рядом. Крыша языками пламени
Стучит в небо.
Создателя с тех пор давно свергли.
Лишь ангелы на карнизах армиями.
На базаре так же торгуют репой,
Томатами, рыбой и, конечно, сырами.
Мы бредём, пробуем,
Один, другой, третий.
Вокруг люди с торбами.
Оставляют отметины
На времени, происходящем с нами.

(251014)

Гавайские открытия.

1.

Развалины русского форта Елизаветы.
Крики диких петухов, клюющих по кромке пляжа.
Островок Кауаи. Дым твоей сигареты
По правилам – криминальная часть пейзажа.
Влажность
Такая, что подъём по тропе
Мало чем отличается от посещения парной.
Лиана, как популярное канопе,
Преобладает и в архитектуре пивной,
Где за стойкой ставни на раскрытом окне.
Картинка: вид на школьное футбольное поле,
Сбоку обрезанное стеной,
Там памятник победе в японо-русской войне.
Больно.

2.

Я смотрю на огонь первобытной душой в обрамлении страха.
Он течет, не спеша, и по капле спадает на пляж.
Закипает волна, исчезая, мешается с прахом
Вулкана.
Остров движется в море. И растёт остывающий кряж.
Панорама
Из пальм и древесных хвощей,
Где шумит водопадом река,
Неизменна.
Лишь теряется ценность привычных вещей,
Когда время – синоним песка.

3.

Полвека спустя после окончания большой войны
Посреди бухты – полузатопленный корабль
Стоит памятником её началу.
Но говорит больше о её тщете.
Посетители Оаху, в основном, влюблены
Друг в друга. Судя по толпе у причала,
Очень многие вообще
Из Японии.
Медовый месяц.
Широченный песчаный пляж.
Зеленоватый теплый океан.
Если
Каждая семья, как ветка, пускает свой корень,
То кто здесь чужой, кто наш?
Баньян.
Переживший войну,
Растущий с эпохой вровень.

(220215)

Открытие из Лиссабона

Породистость португальского носа
Есть следствие перехода горных кряжей,
Подпирающих горизонт,
В виноградники – наносы
Зелёного цвета на склонах полосами
Растущей пряжи,
Используемой на похмельный сон,
В котором чайки кричат, подхватив сардину
Или увернувшись от ног зевак,
Топчущих крошки.

Ты тоже дремлешь, перевалив середину
Дня в кафе на террасе.
Лишь взгляд, встретив стройные ножки,
Машинально виснет, позабыв кабак,
Где играли «фадо» на радость туристской массе.

В вечерах,
Начинающихся где-то в районе восьми,
Есть преимущество – отсутствие трафика на рассвете.
Тогда в пещерах узких дворов, пока они пусты,
По утрам
Наступает эпоха уборки мусора.
Что не досталось ртам,
Лежит на брусчатке, размазанное по углам,
Откуда легче стать содержимым кузова.

Эта практичность использования пространства,
Продолжаясь резьбой, сама по себе украшает камень
Соборов, уходящих в бесконечность к свету.
И тогда не странно, что в итоге странствий
Напротив могилы Васко да Гамы
Не меньшая гробница принадлежит поэту.

Отдавая дань местной кухне, надо быть осторожным.
Когда ветром
С площади тянет запах сардин на гриле,
Удовольствие вкуса не в этом.

Не пригибая голову, проходит дворцовую печь
Изнутри,
Намекая, что еду не изобрели,
А споткнувшись, открыли,
Смуглянка как экспрессо с пирожным –
Короткие шорты, туфельки, движение плеч.
Лиссабон, ранний сентябрь, заброшенная
Работа. Мягкая португальская речь.

(220914)

Открытка из Синтры

Эти бусы огней, уходящие в море с грудастых холмов.
Мавританские башни – тиары, где небо в подсветках.
Синтра спит. Плещет камень в разбеге веков.
Ресторанные столики спят в одеялках салфеток.
Это час, когда эльфы приходят с прогулок
В садах Ригoleyра.
Это время курительных трубок
С бокалом портвейна.
Португальское время эпохи смешенья времен.
Всё, что было уже и еще не случилось.
Здесь клён
Перемешан на склонах с хвощём и сосной.
И тут воздух звенит колокольной и пахнет весной.
Назначенье извилистых улиц
В расстановке дворцов.
Мы коснулись
Брусчатки и стали причастны к листве.
Дон и Донья, что из синих встают изразцов
Чтобы выйти в кроссовках в рассвет.

(080914)

Сан-францисский романс

М. и С.

Два белых шарика взлетают над Сансетом.
Цветные ленточки не прижимает груз.
Тянусь
За ними взглядом, за сюжетом,
В котором вместе счастье есть и грусть.
Под ветром
Высоту глотаю с ними.
Смеюсь на празднике, оставшемся внизу.
Мне виден океан, сегодня синий,
Не то что давеча в осеннюю грозу.

Цветные домики, спешащие под горку,
Вдоль сетки улиц, где с краёв туман.
И зайчиков пускающие створки
Распахнутых оконных рам,
Где шторы
Разлетелись. Видно тесно
Им обниматься было в полный штиль.
Два белых шарика. Еще куда вместе
Проходят церкви утончённый шпиль.

Две тёмных точки исчезают в отдаленье.
О чём бишь я? – Давно зелёный свет.
Лишь груз от ленточек в портфеле на сиденье
Да трафиком задушенный проспект.

(011114)

Альпийская открытка

Долина гор, зажата в теснину.
Деревня — ограничена плато.
Авто,
Подвластное закону серпантина,
Ползёт, не нарушая ни за что
Режим, указанный дорожным знаком.
А сверху светят знаки зодиака
Прорехами в ночном пальто.

Вершины белые над темным скальным торсом
В контраст с домами, где — наоборот —
Белеет низ под чёрным контрфорсом
Балкона, сдвинутого чуть вперёд.
Народ,
Гуляющий по скользким тротуарам,
Цветных витрин манящая жара,
Вдыхаемая узким кулуаром,
Где ледопад блестит. Зимы пора —
Наутро скалы поседеют снегопадом,
Двора
Гостиничного станет не узнать.
И склон, что ночью показался рядом,
Отступит далеко, не дошагать.

Восход румянит белые косынки
Далеких пиков. Светится река.
Краснеет фартук ледника.
Хребта чуть розовеет вязь.
Ты спишь. Подушка сбита. Свесилась рука
С простынки,
В ладошку луч пытается попасть.
Другая жизнь — красивая девчонка,
Чьи волосы смеются на ветру,
Не преступая смутную черту,
Щемит в груди, улыбкою, нечётко.

(150115)

Зима в Сан-Франциско

*« в притонах Сан-Франциско лиловый негр.»
А. Вертинский. 1916.*

Притоны кончились.
Порт переехал в Окленд.
Квартиру снять –
Не думай, в одиночку
Не подступиться.
Дождь по закрытым окнам,
Стенам, тротуарам струится
В водосток
Под надписью «Течет в залив. Отходы не сливать!»
Бомж,
Скорчившись,
Везет тележку: спальник, ну и прочее,
Что так необходимо для свободы.
Листок -
Дощечка «подайте ветерану».
И подают. Доходы
Не велики. Но на марихуану
Насобирать
За день – так это точно.

Ботинки горные,
Топорщится «гортексом» куртка-свитер.
Надежда к ночи забрести в приют.
Под капюшоном видно, что небритый,
Что кожа чёрная.
Плывут
Авто неторопливой улицей в сорочке
Из разноцветных домиков. Моторека,
Где светофоры по фарватеру наперебой
Моргают. Мы едем с дочкой
Отыскать щенка,
Чтоб в дом внести любовь.

(060116)

Деревенские хроники

У соседа жила овчарка.
Он любил её, но держал во дворе.
Она лаяла на прохожих, на меня, когда, брэнча
Поводком, я проходил со своей вдоль его забора.
В ноябре
Сосед завел попугая
И выставлял на двор его клетку,
Чтобы птица дышала ветром,
Тёплым не по поре.
Я привык и от собачьего лая,
Не ускоряя шаг проходил мимо,
Гуляя
Своего зверя.
С тех пор прошла не одна осень.
Приобретения и потери
Сезонов крутились,
Переплетались. И другие люди селились
В моё тело, не замечая плесень.

Не сбивая дыхания, размеренно, от края до края
Я иду по дорожке, что вдоль забора.
И только слышен лай попугая.

(101115)

Джаз в Одессе

Я считаю ступени, ведущие к Дюку.

Раз, два, три.

Я делаю вид, что набил себе руку,

Чтобы лихо вести удачную жизнь.

Четыре, пять.

Черноморский бриз

Завернул мои брюки,

Дышит в спину,

Не поверни.

Если придется сбежать вниз,

То тогда половину

Камней ноги сами смогут узнать.

На эти я капал мороженым

За девятнадцать копеек

В первом классе.

Семь, восемь, девять.

А на этих поспорил с другом из-за корма для его канареек.

Что поделатъ. Мы помирились гораздо позже

В очереди к кинокассе.

Четырнадцать, пятнадцать.

Вот тут я споткнулся, чтобы схватиться за твою руку,

И пальцы,

Вздрыгнув, переплелись. С тех пор запахом твоей кожи

Или звуком

Голоса загорается память.

Шестнадцать, семнадцать, двадцать.

Я не знаю, как я прожил

Через пустоту, когда ты уехала в эмиграцию.

Возможно,

Я поехал за тобой – догнать и оставить.

Я в туристской толпе на пятидесятой ступени.

До верха ещё далеко.

Я грызу семечки из газетного кулёчка

И тени

Каштанов соответствуют точно
Моему росту.
Легко
И быстро мимо поднимаются не наши дети.
Шестьдесят, семьдесят, девяносто.
К залитой солнцем последней площадке,
Откуда можно заметить
Песчаные
Дюны вдоль фривейной дороги.
Одноэтажный домик.
Сто десятая, сто девяносто вторая.
Всё. Мостовая.
Черта.
Пологий
Пляж. И томик
Стихов на языке, что больше не прочитать.
Из другого края.

(010615)

Халф Мун Бэй блюз

А в воскресенье мы поедem на океан.

Простыня штиля

Заблестит, отражая свет,

И заставит надеть темные очки.

Караван

Пеликанов, вздымающих крылья,

Протянется пунктиром,

Подчеркивая заходящее солнце.

А один пеликан –

Задира,

Вдруг сорвётся

Вниз, задевая за клочки

Пены, нырнет за рыбой.

Птицы уйдут за рифы.

Пучки

Света, бьющие через щели скал,

Будут смешить твои волосы

Либо

Пронизывая сарафан

Просто

Сбивать меня с дыхания,

Перемещая в раннее

Утро из другого мира,

Где живёт круглолицый очкарик –

Улыбка, косички до плеч,

Коленки в царапинах, загорелые ноги –

Где квартирой –

Пляж. За окном расторопная речь

Моря. В языках волн шарики

Гальки.

И вся жизнь на пороге.

При переносе с кальки

На полотно,

Копии все равно
Искажаются. Величина времени -
Это количество отличий,
Которое найдется
На всём, что уже дано. -
Прерывистый гудок маяка,
Птичий
Крик над заливом в обрамлении
Гор, одетых в низкие облака,
Заслоняющая от солнца,
Приподнятая твоя рука.

(180315)

Открытие с Ки-Веста

Черепаша ползёт по песку в направлении корма.
Мент штрафует водителя за высокую скорость –
Лицо истекает потом, безупречная униформа
Скрывает толстое тело, как протез прикрывает полость.
Жара, отражаясь от солёной воды, мешает мысли.
Надежда лишь на кондиционер в питейном баре,
Где рубашка, наконец отлипнув от тела, повиснет
Освобождая подмышки от участия в перегаре.

Домик великого писателя в цветных шляпах –
Кишит туристское развлечение.
Кошки, переступая на шестипалых лапах
Клянчат бутерброд, печеньё
Или просто ласку.
История, затасканная,
В коммерческих целях обрастает сюжетной прытью,
Когда экскурсовод, декламируя неизвестные факты,
Излагает её, как сказку.
Как корабль во фрахты,
Музей сдаётся под свадьбы или бизнес-события.

Отпуск, протекающий на Ки-Весте, пропах сангрией,
Катанием на водных лыжах и тому подобным.
Так и хочется приказать мгновению: замри и
Остановись.

Но приходит электронная почта. С утробным
Звуком айфон выплёскивает на пляж
Реальность быта.
Гамак у моря больше не вписывается в пейзаж,
Составленный из хижины рыбака и его корыта.
Так что пора отправляться и залатывать сеть –
Какая проза.
И только светило сумеет по-королевски сесть,
Остужая закатом воздух.

(290415)

Пиренейская открытка

Когда трамонтана станет мотать ставень,
Рассыпая сон. Когда плети
Молний над морем,
Что чуть на юге,
Будут хлестать небо час, другой, третий.
Тогда в памяти на простыне странствий
Проступит нить,
Ровно
Исходящая из северной вьюги.

Её проследить
И увидеть – в слякоть
Закопанную колею улицы,
Сентябрьские грибы, что не собрать в корзину.
Дёготь
Вечера (водка пойдет и к устрицам).

Выбрав якорь,
Яхта медленно перейдет середину
Фарватера. На выходе из бухты
Чуть проберёт морозь,
Как на осеннем крыльце ранним утром.
Плащ, сапоги, пакет, ножик.
На разницу времён я составляю опись.
И это всё, что было, есть и что быть может.

(160915, Montesqieue Des Alber)

Прогулка

Реальность уходит. Так отлив обнажает пляж,
Переходящий в морское дно.
Всё, что истово билось, больше не существует.
Остались камни,
Немного обкатанные, но такие же, как и до.
Пейзаж,
Как и память,
Отсутствием изменений
Заодно
Является доказательством вставшего времени.

Ладонь,
Приставленная у лба, позволяет взгляду,
Щуря глаза от солнца,
Различить лишь пятно твоего лица.
Зрение село.
Так что ориентировке в пространстве, к ряду
Молвить,
Больше помогает пыльца
Местных цветов (название не упомянуть).
Кольца
Тропинки, ведущей к тебе и к дому,
Предполагают что тело
Идёт на запах. Отважно
Так, руководимый чутьем,
Пробираешься по разлому
В кряже,
Преодолевая затяжной подъём.

Останавливаешься. Для отдышки,
Расстегнув куртку,
Пережидаешь стайку девчонок, бегущую напролом
Круто
Вниз. Чуть погода – за ними мальчишки.
Пропускаешь и этих. Минуту,
Ещё отдав, вываливаешься на плато,

Где можно побыть с тобою. Хотя то,
Что уже впереди, гораздо меньше того, что было.
Ты кутаешься в платок.
Да, зябко.
Мемориальная скамейка,
Обращённая к океану. С тыла
Надпись. Имени не разобрать.
Закат протягивает светолапки
Через трещины туч, и красит смыслом ушедший день.
Беспорядка
Твоих волос не понять
Теперь даже ветру.

Мы молчим. Молчание – всё же тень
Разговора. Не велика наука.
Прилив поглощает метры
Песка. Порыв пригибает цветы.
Тишина, большая пустоты,
Пока что просто отсутствие звука.

(180416)

Французский квартал

Снимаю шляпу.
Электрогитара, ударник, контрабас
И сакс.
По трапу
Клапанов пальцы –
Это почерк синкопы.
Баритон – шрапнелью звука
Тянется вязь танца.
Его стопы
По сцене в резонанс с моими,
Что по палубе зала.
Труба, подстрелившая мысль о бегстве,
Мимо
Узоров решеток домов квартала,
Взорвала мотив, что почти на бис
Обвил балконы плющом из детства.

«Нью Орлиинс»,
Твои женщины прибывают в гробах
Для продолжения рода.
Твои пираты спасают отечество
Только когда их пах
Им диктует мысли.
И даже сирена полиции, как часть природы,
Попадает в такт
Тромбону беспечности,
Играющему – ах,
Как бессильны числительные!

«Нью Орлиинс»,
Джаз твоих мини-юбок
Отплясывает вниз
По улице в параде «Марди Гра».
Принц,
Поднимающий бутафорский кубок,
Как приз
За лучшую роль. С утра

Декорации из галерей в кованных решётках
И в живых цветах,
Реальностью подтверждают прошедший вечер.
Дешёвых
Бус убранство на проводах,

На ветках. Сердечно
Вторящий джазу старый колесный пароход
Времени вопреки
И по влечению
Капитана берёт одну из нот.
Гудок плывёт
Ветром, дующим по течению
Величественной реки.

(070216)

Горные лыжи

*«Но надеясь на старого друга и горные лыжи,
я пока пребываю на этой пустынной земле»
Ю.Визбор.*

Два старых мальчика скользят на горных лыжах
В долгу у времени за то, что постоит.
Гора и снег. И две судьбы. И так уж вышло,
Что редко видятся. Дрожит
Морозный воздух на просвете
Меж изваяний из обледеневших елей.
Вздохнет позёмкой накативший ветер,
И вниз по склону. Всё, что не успели
Проговорить – шепнёт природа,
Снегопадом обняв двоих.
Кольнет морозом у начала вдоха.
Одна порода.
Но куда им деться? Катится эпоха,
Когда слова уже не бьют под дых.

Две юности летят одной долиной.
Через метель не разобрать земли.
Всё ничего, что жизнь за половину.
И всё неважно, что ещё вдали.

(122015)

Папе

Иногда, спотыкаясь о запах варёного кофе,
Я попадаю в наше обычное утро.
Глушилка борется с радиостанцией «Немецкая Волна»,
Твой набитый портфель,
Темнота
За окном.
За обрывом подоконника косо летящая пудра
Снега. До дна
Обжигающий лёгкие морозный вздох. Пешком,
Торопливо догонять трамвай
И успеть ввалиться, подтянувшись за поручень.
Стукнуться в расстояния между сумками
И прочими
Вещами. (В духоте толпы сразу теплее).
Варежкой отскрябанный край
Непрозрачных стекол в морозном рисунке.
И смотреть, смотреть, как ночь становится посветлее.

На завтрак делались бутерброды,
Иногда ленивые вареники
Со сливочным маслом.
Я входил в садик, как в непогоду,
Съёжившись от детской вражды, ожидая ненастья.
Глушилка хрипела «Голосом Америки».
Кофе, прыснув,
Шипя, заливал конфорку.
И бесконечная жизнь не имела смысла.

Сейчас, когда взгляд упирается в переборку
Авиалайнера,
Летящего над Атлантикой,
Я понимаю тебя гораздо больше.
Мы жили в рамках, следуя правилам,
Глупым, как стало понятно намного позже.

Романтика

Оставалась уделом книжек,
Собранных в домашние библиотеки
Так, что обоев на стенах было не видно.
Что-то всё-таки из нас вышло.
При взгляде в прошлое, по крайней мере, не стыдно.

Мне, наверное, уже никуда не деться,
Не сойти с вектора, начатого морозной ночью.
Я прохожу площадью.
Я вкладываю записку в стену.
Калифорнийскому солнцу не озарить детства,
Как на твою любовь не поставить цену.

(030715)

52 сентябрь

Дети выросли.
Забылась дорога в зоопарк.
Мысли
Освещает сильнее лампа
Прошлого, чем будущего заря.
Числа
Превратились в даты, требующие подарка,
Служащие разметкой календаря.
Клапан,
Выпускающий переживания,
Зарос несбывшимися мечтами
И почти не беспокоит. Желание
Действия ограничено больше опытом, чем ленью,
И местами
Вызывает улыбку. Местами –
Грусть.
Жизнь – это мутация системы ценностей,
Которые никак не выучить наизусть.

Выбирая между свежей любовью и тем, что уже нажито –
Выбираешь второе.
Мозги, превращающиеся в решето,
Легче скрывать под корою
Привычек.
Это пока не раскусили.
Роль, взятую однажды, оставляешь в силе –
Если угодно,
То так легче парить над поверхностью хляби.
Молишься уже без кавычек
О дополнительном времени между сегодня
И днём, когда обо мне пропоет Рабби.

(080915)

Песенка

Мы стоим на циферблате,
Чуть касаемся руками.
Часовая заблудилась, оттопыривая платье.
А под нами

Механизм застрял в натуге –
Хоть минутную продвинуть.
Тишина. И мы невинны,
И глаза в глаза друг в друге.

Всё свершилось. Всё случилось.
Мы бежим вперёд секундной,
А исколотые ноги –
Отдохнуть бы, залечить.
Но находятся причины.
Механизм гремит посудой,
Механизм шумит в натуге,
От усталости кричит.

Но пока сцепили руки.
Но пока глаза друг в друге.

(010614)

Собиратель

Как привычно стало перелетать океан,
Чтобы штопать мир друзей и родни
Без швов.
Сливая в одну картинку из панорам
Чужих городов
В дождливые или в сухие дни.
Карман
Моего одиночества
Приятно оттягивают монеты встреч.
Не имеющие хождения,
Их легко уберечь
От расходов на жизнь, налоги и прочее.

При продвижении
По времени
Память, ограниченная головой,
Боится своего разрушения,
Когда ничто не спасётся.
Если только заранее
Её не скопировать на цифровой
Диск, бумагу или – лучше – в детскую голову,
Если таковая найдётся.

Поровну
Разделённые океанами материки
На экране компьютера
Имеют величину цен на билеты.
Сухопутные моряки,
От портов нам остались пиво,
Сидячие ночи, утра,
Прогноз погоды и приметы.
Как память о прошлом опыте,
Чтобы не ошибиться, когда криво,
На будущее налетя телом,
Хлопаешь себя, но в кармане
Находишь хлопоты
Без предела
Да вечер ранний...

(151015)

* * *

Так пахнут твоей музыкой стихи,
Как ночь тиха.
Встряхивая облаков бельё,
Я слышу явственно её.
Она легка.
Она восходит исподволь –
Прилив, отлив.
Как будто спазмы или в боль
Порыв.
Она похожа на тебя –
Осанка, взгляд.
Походка, царственно трубя,
Выводит такт.
Я резонирую в ответ,
Тянусь цветком.
И принимаю – счастья нет.
Есть в горле ком.

(210614)

* * *

Моя маленькая царевна, как ты выросла за те годы,
Что мы были с тобою вместе, на работу
Ходили порознь и встречались по выходным.
Наши дети похожи больше
На наши чёрно-белые фото,
Чем похожи на них мы сами.
Мы там проще,
Намного тоньше,
И заботы не отплясали
Бесконечную сеть морщин.

Сколько разных нас побывало в наших,
Поменявших себя, телах?
Только разве же это важно?
Образмеренные поклажей,
Безошибочно знаем цену, приходящуюся на каждый
Страх.
Благостно
Принимая перемены,
Что о себе заявляют в расходах,
Моя милая королева, на краю одной Ойкумены
Быть вдвоём. За ненадобностью,
Не участвуя в её прибылях.

(281015)

День Благодарения

Собака будет со вкусом
Глодать коровье ребро на рассвете.
Моё одеяло вопросительным знаком
Рядом с тобой на постели.
Я за столом разгребаюсь в том, что наметил
Закончить.
И так повторяется многие утра и ночи.

Но однажды мы все-таки обнаружим
Границы обитания в точке.
И пружина необходимости вдруг, не сдюжив,
Оставит нас в покое.
Мы проснёмся за полдень.
Соберём на завтрак кофе и прочее.
А потом пойдём погулять рекою.

И мы увидим, что наступила осень.
И её красно-желто-зеленоё кружево,
Уколов зрение,
Разворошит мечту от всего, что narosло после.
Нужное
И не очень.
Калифорния. День Благодарения.
Холод, ноябрь, лужи,
Длинные ночи.
И ты возле.

(261115)

Соблазн собачника

Я ревную тебя к щенку.
И щенка ревную к тебе.
В нашей постели полно песку.
И не мне ты готовишь обед.
Но я люблю вас обоих так,
Что готов сам завилать хвостом,
Когда бы только попасть в такт
Руки, что погладит моё лицо.

А ведь я сам тебе его подарил –
Шерстяной комочек, чуть выпученные глаза –
Удивлённо смотрящие на мир фонари.
Ты смотрела также, лет сто назад.

А сегодня мы болтаемся друг у друга на поводках.
А потом боль и бессонница танцуют полночный вальс.
Заботы крутятся в дневных ободках,
Нарастая косметикой возле уставших глаз.

Нам, обнявшись, иногда ещё удастся уснуть.
И с утра даже вместе за завтрак сесть.
Когда-то собачка вырастет похожей на суть
Отпечатка нашей любви, ну какая есть.

(280316)

Курсовая работа

Ходить по порогам горных рек.
Ночевать в тайге, кормить комаров и питаться рыбой.
Эмигрировать из Совка, ибо человек
Стремится размножиться на воле.
Хорошо, если с любимой.

Разбег

Предпочитать торможению,
Потому что сожаление
О сделанном лучше, чем покусанный локоть.
Больше стараться избегать поражений,
Чем стремиться быть понятым.
Научиться не трогать
Спелый низко висящий плод,
Чтоб потом не иметь оскомины.

Вброд

Переходя мостовую,
Не доверять светофору.
И никогда не носить груз впустую,
Тем паче в гору.

Проживая в странах, в которых идет война,
Где новый правитель, но ещё не поменяли кокарду,
Соглашаться с властью, про себя посылая её «на..»
И помнить столько, чтобы не бояться говорить правду.

Для успеха у половины двуногих
Точно знать, когда не поднимать трубку,
Тогда можно, любя одну, при этом замечать многих.
Возраст – это предрассудок, если глядеть под юбку.
В конце дороги
Возвращаться
Стараться
Всегда в одну и ту же точку на карте.
(Когда-нибудь выход из неё будет только астральный,
Что особенно интересно).
Отметкою времени там снег, убывающий в марте.

Дом – это такое место,
Где сумма прожитого – максимальна.
В азарте
Золотой лихорадки помнить, что она – средство,
А не предназначенье.
Количество золотого песка пропорционально
Не удовольствию увлечения,
А душам, которые реально
Могут на него согреться.

Как процесс потери физического здоровья
Жизнь, начиная с детства,
Результатом имеет прирост нравственного.
Душа противоречит крови –
В этом тоже есть диалектика прекрасного.

Батарейка подходит к концу на моём лэптопе,
Муравей, навигирующий торчащий корень,
Как в плясовую,
Начинает восхождение на секвойю.
В скопе
Времени дерева мы – современники. Никуда не деться.
Светает. Я молю Учителя за честь курсовую,
Хотя бы и скрепя сердце.

(310814)

Рождество

Времена взаимосвязаны
Иногда людьми, но чаще вещами –
Идеями, выраженными в материи, сообразно
Желанию создателя или владельца.
Так юнец,
Покрытый прыщами,
Или мудрец
Одну и ту же идею, то есть вещь,
Используют по-разному.
Например, плащ –
Можно продать, чтобы сейчас поесть
Или завернуться потуже, чтобы потом согреться.

Люди отображаются на времена
Отрезками разной длины,
Параллельными друг другу.
Поделённые на народы и племена,
Выходящие из одной страны,
В основном на запад с отклонениями к югу,
Они составляют эпоху.
Называют её дорога.
И говорят, что по ней время движется, ползёт, бежит.
Хорошо ли, плохо ли,
Но если посмотреть с точки зрения Бога,
То вечность – всего-то длиною в жизнь.

Спайки «человек – вещь» могут вдруг поранить
Или затопить, как внезапный поток.
Как свет, рванувшийся в приоткрытую дверцу,
Наваливается затыкающий горло комок.
Только память
По-другому болит. Потому что она не от сердца.

Итогом событий остается листок
С историей, записанной не совсем очевидцем,
Сводящей восток
И запад под одним переплётом
И перечёркивающей границы
Налётом
Войн. От той истории знобит.

Когда глядишь сквозь масленичную листву,
Как свет
Звезды парит
Над городом. Движение планет,
Причастных к торжеству,
Его не отклоняет. Фокус точен –
Он разгоняет страх.
Но больно видеть бесполезность жертвы,
Когда порочен
Столетий ход.
И странно чувствовать бессилие веков
Улучшить первый.

Надежа в том, что нерушима
В своих делах
Любовь,
Как связь из нынешних времён,
Ничуть не менее паршивых,
С прошедшими, что приняты нулём.
Феллах,
Ведущий ишака под гору
На нем – ещё девчонка, но уже с дитём.
За ними караван людей, вещей, времён,
В котором
И мы бредём.

(310814)

Из цикла

«Истории Силиконовой Долины»

Предупреждение – эти рассказы не для всех.
Конечно, компьютерного образования не
требуется, но тем не менее люди, компьютерам
чуждые, полного впечатления могут не испытать.

История третья.

«О древних профессиях и высоких технологиях»

– Элла, привет! Торопишься? – спросил я, натолкнувшись на управляющую нашего маркетинга в холле. – Есть сегодня время на кофе?

– А, Саня, привет. Давай попозже, после ланча. У меня производственная встреча с боссом и прямо сейчас.

- Отлично, – сказал я. – Пришли мне сообщение, когда сможешь, с конкретикой. Я везу.

С Элллой у нас была взаимная производственная дружба без переходов границ. Тоненькая, стройная, с черными кудряшками и зачаровывающей фигурой, Элла была профессиональным менеджером среднего уровня, дающим начальству фирмы ровно то, что начальство хотело в те сроки, которые Элла согласовывала сама. В нашем «стартапе» она работала почти с основания – и уж точно много раньше меня. Я же был всего лишь консультантом. Меня звали, когда надо было выжать скорость из существующей технологии, оптимизировать работающие процессы, в общем, получить больший выход с уже сделанного вложения в компьютеры и в купленный софт.

Стартап «Кросс-реклама» занимался обнаружением покупателей, с тем, чтобы показать им рекламу. С точки зрения получателей этих рекламных объявлений, он был за кулисами из довольно сложной технологии. Решалась извечная проблема рекламодателя – показать рекламу именно того товара, который покупатель вот-вот сейчас и купит. Достигалась точность совмещения смутного желания покупателя что-либо купить с его реальной покупательской возможностью потратить для вящей пользы продающего учреждения. Сиречь, магазина.

В последний месяц я много работал именно с Элллой – точнее, с её отделом, – им всё время были нужны отчеты для клиентов, причём, по возможности, в реальном времени или близком к тому. Так что кофе после ланча вполне являлся рабочей встречей. Только в более приятной обстановке, нежели в офисе.

Элка прислала имейл, когда я уже не ждал. Было около четырёх дня, тем не менее перспектива «латте» оказалась сильнее желания никуда не ехать. Ближайшая хорошая кофейня была в двух кварталах. Мы встретились у моей машины через минут

пять. Элла сразу забралась внутрь и открыла рот, хотя, может, стала говорить еще и до того, как села. Так её распирало.

– Понимаешь, Саня, у нас новая примочка – мы теперь показываем покупательские границы на сайте клиентам-магазинам в реальном времени. Большой шум. Никто этого еще не научился делать – мы единственные.

– Интересно. А как конкретно это сделано, ты не в курсе?
– Сейчас обрисую моё понимание, где у тебя зажигалка? – Элла иногда курила, как я подозреваю, больше из чувства протеста против правительственной борьбы с курением, чем из привязанности к этой привычке. Она любила повторять, что «Со времен Колумба белый человек спойл краснокожих, познакомив их с "огненной водой"». А индейцы в отместку подарили белому человеку никотин. И то, и другое при невоздержанном употреблении смертельно. Так что берите пример с индейцев и контролируйте, сколько вы курите, тогда на здоровье это не отразится».

– Как консультант, ты уже многое про «Кросс-рекламу» знаешь, так что извини за повторение, если что.

– Да, конечно, знаю. Руби и помни, что я все возможные бумаги о неразглашении коммерческой и технологической тайны уже давно подписал.

– Рублю, – улыбнулась Элла. – Итак, в основе нашего бизнеса лежит идея нахождения человека по координатам его мобильного смартфона. Где телефон, там и человек. Геокоординаты отслеживаются и передаются многими телефонными приложениями – мы же их по договоренности с производителями собираем и объединяем в одном месте. Ну и продаем дальше собственно рекламодателям или напрямую магазинам.

Скажем, я представляю рекламный отдел большого магазина офисных товаров. У моего магазина много торговых точек в разных местах города, там, где ходят вероятные покупатели. Но как мне этим покупателям сказать, что у меня сегодня распродажа фоторамок? Да очень просто: надо на их мобильный телефон прислать информационную рекламу о распродаже фоторамок в тот момент, когда они проходят вблизи витрин одного из моих магазинов.

– Элла, это давно мне понятно. Давай про границы.

– Мы их называем заборами. Так и веселее, и точнее. На нашем веб-сайте есть теперь область только для авторизованных

пользователей, конечно, где можно посмотреть, как люди проходят мимо дверей моего магазина. На экране появляется картинка, где чётко видно, как некий покупатель (то есть его мобильный телефон) приблизился к дверям моего магазина. На картинке дугой обозначена зона «близости» магазина, в которой показывается моя реклама про фоторамки. Точка на картинке – это человек. Зона близости и есть наш заборчик. Вот я вижу, как он получил рекламу на телефон. А вот он вышел из зоны, и картинка с заборчиком вокруг витрины исчезла.

– Замечательно! Похоже, что мы теперь показываем рекламным отделам наших клиентов-магазинов их мечту, – сказал я, крутя при этом руль и пытаюсь вписаться в узкую парковку возле кофейни.

– Примерно, так и есть. Бизнес скакнул сразу, насколько я знаю наши внутренние слухи, – сказала Элла.

– Стоп, у меня вопрос.

– Саня, подожди, пожалуйста. Давай закажем кофе, возьмём столик, пока они есть в тени на веранде, и ты задашь мне свой вопрос.

– Отлично. Кофе на мне, а с тебя ответ, – согласился я. Ты что будешь?

– Возьми мне «карамель-макиато», – велела Элла и пошла через кафе в сторону внутреннего патио, чтобы занять там романтично стоящий столик под зонтиком возле кадки с пальмой. Очередь подошла быстро. Помимо элкиного «макиато», я взял себе «латте» с дополнительным эспрессо и, со стаканом-чашкой в каждой руке, не без труда понавигировал между столиками, спинками стульев и проводами к лаптопам в сторону выхода на веранду.

– Давай, поддержи, – сказала Элла, взяв у меня свой стакан из одной руки, так что я смог пододвинуть свой стул поудобнее.

– А вопрос у меня вот какой. Как мы все хорошо знаем, точные подробные карты и схемы земной поверхности существуют уже давно. А вот виртуальные линии «зон близости», то есть заборчики вокруг магазинчиков, там не нарисованы. Кто их рисует?

– Попал в самую точку! Голова, – рассмеялась Эллка. – Да, конечно, за свои деньги клиент очень хочет видеть «заборчики», и к тому же правильно очерченные. Так называемую «рекламную зону» надо показать красиво и правильно.

– Я так понимаю, что при зарплатах программиста здесь, в долине, «Кросс-реклама» не может себе позволить, чтобы дорогие разработчики кода сидели и чертили линии на экране поверх картинки с картой торгового центра? Программировать

тут не надо, и поэтому использовать программиста, получающего большие деньги, на такой задаче будет себе в убыток.

– Именно так. Мы в компании решили, что такую простую работу, как рисовать мышкой «заборчики» на картах-схемах, а потом отдавать получившуюся картинку в производство, может любой человек, если он только не полный дурак. Так что с сегодняшнего дня это делается в реальном времени прямо из Индии. Народ там сообразительный и берет за работу недорого. Вот такая история.

– От меня как от консультанта что-то надо в связи с новой технологией? – спросил я.

– В моём отделе – так нет. Но позже надо будет новые отчеты помочь запрограммировать, – сказала Элла. Дальше наш разговор перешёл на детей, планы на отпуск, и больше об этом мы в тот раз не говорили.

В следующий раз, когда я получил Эллу в своё распоряжение, это было через несколько недель и, как выяснилось, недель очень бурных, потому как доходы компании затрясло не на шутку. Мы встретились в пятницу на парковке, и Элла сама сразу ко мне подошла.

В обтягивающих черных джинсах от кого-то из дорогих дизайнеров, в белой рубашке с нашивками, в модных светлых легких полусапожках девушка смотрелась очень привлекательно и очень неприступно одновременно.

– Эл, я не понимаю, зачем ты это делаешь?

– Делаю что? – переспросила она.

– Одеваешься, ходишь и выглядишь так, как будто мы тут все неженатые.

– Шура, не передёргивайте. Мы же давние друзья. К тому же я пуританка в душе, – ты же знаешь мои принципы.

– Да, и принципы твои пуританские тоже помню, – сказал я. –

Ладно, веду себя как мёртвый, а ты рассказывай.

– Представляешь, Саня, история с заборами вышла боком.

Сначала все было ничего. Но вдруг позвонил один клиент и пожаловался, что «заборчики» для его магазина показаны неправильно. Точнее, что зона вокруг его магазина в торговом центре больше, чем показана, и вообще другой формы.

– Представляю, как все забегали. Это же не ошибка в коде – это люди чертят неправильно, – сказал я.

– Ну да! Перед клиентом извинились. Дали кредит на будущие сервисы. Лишь бы не ушёл к конкурентам, уговорили не прерывать подписку. Быстро заборчики для его магазинов подправили вручную. Только поправили, звонит ещё один

клиент с похожей жалобой. Тут и поправить не успели – клиент отказался от сервиса вовсе. И пошло. Не проходило и дня, чтобы кто-то не позвонил с похожей жалобой. Всю последнюю неделю вот так, – и никому непонятно, в чём дело.

– В чём же тут осечка оказалась? – спросил я. – Так до сих пор и не нашли ошибку?

– Нашли, но всего-то несколько дней назад и пока не починили. Ошибка вот в чём, только не падай. Нанятые на рисование заборчиков жители Индии оказались вообще без понятия, что такое американский шопинг-центр, и где в нём кончается один магазин и начинается соседний. Особенно фигово дело обстояло с магазинами, выходящими на парковки. То есть вообще мимо. Разница культур.

– Вот это да! Не ошибка в коде, ошибка в стратегии, – сказал я.

– Именно так. Что делать, пока не понятно. Босс (ну ты знаешь, насколько резок бывает рыжий большой Джон) выбросил Индию в ту же минуту, как это понял. И посадил нашу команду тестировщиков кода за это занятие. Ребята справляются гораздо лучше, клиенты перестали капать жалобами на сервис, но стоит это дорого. К тому же их основную работу – код тестировать – никто не отменял. Словом, мы тянем, но плохо. Люди перегружены, и что делать, непонятно. К тому же Джон улетает сегодня домой к себе в Вегас на уикенд. Обещал подумать, так что на следующей неделе, надеюсь, что-то произойдёт.

– Н-даа... – протянул я. – Хороших тебе выходных, и держи меня в курсе, пожалуйста.

– Взаимно. – Элка повернулась и быстро пошла к своей машине.

В среду следующей недели мы с Эллой опять пили кофе. Причиной послужил запуск в производство нового красочного веб-сайта компании, который работал на мобильных телефонах быстрее и лучше, что, в свою очередь, вроде бы должно было принести больше бизнеса.

– Саня, мне нужен от тебя статистический отчет по посещаемости нового сайта к следующему понедельнику.

– Элкин, проблем нет. Но расскажи, как там продвигается история с «заборчиками», есть ли что новое?

– А как же! Рассказываю со слов нашего вице-президента так, как он услышал эту историю от самого Джона.

Дело было днём в этот понедельник, наш рыжий Джон брёл по торговому центру Лас Вегаса длиной в милю без всякой цели что-либо купить. Как известно, в городе «греха» можно пройти

большую часть «стрипа» вообще не выходя на воздух, а только пересекая череду моллов и казино. Конечно, прогулка по торговому центру – несколько странный способ медитировать, тем не менее анфилады отделанных дизайнерами под дворцы магазинов вносили порядок в его голову и помогали думать. Джону всегда нравилось, что каждый магазин – это своё нестандартное оформительское решение витрин, свой уникальный твист в продаже вещей, направленный на то, чтобы увлечь покупателя, рассказать ему что-то такое, что заставит его сейчас и здесь купить вот это. Нестандартный подход – это как раз то, что «Кросс-рекламе» сегодня нужно для проблемы «заборчиков» .

Джон прошёл насквозь несколько торговых моллов, пока мысли не сдвинулись с мёртвой точки, причём не сразу, а только, как он говорит, когда он подошёл к фонтану в центре зала с нарисованным небесным куполом, где стояли красивые кованые лавочки, на которых сидело несколько молодых женщин с сумками, заполненными покупками и поставленными рядом.

«Вот кто мне нужен! – подумал Джон. – Вот такие домохозяйки, которые знают про магазины и про покупки. Главное, нужна толковая женская "рука", которая недорого стоит и хорошо понимает, как устроен в Америке шопинг. Такие женщины, скорее всего, рисуют «заборчики» даже по памяти, даже не глядя на схему». Тогда же Джон обратил внимание на скучающую симпатичную даму пожилого возраста, которая сидела на лавочке и загадочно смотрела на витрину магазина напротив. Мысли у него задвигались, забурлили... «Нет, домохозяйку, пожалуй, не нанять. То она не может, то она с детьми, то она где-то на полставки еще работает. Нет, нужны женщины, не отягощенные обязанностями, плюс дешёвые».

Пройдя зал с фонтаном, через несколько десятков метров Джон наткнулся на другую сеньориту, помоложе первой, но тоже явно не торопящуюся на работу с утра. Одета по моде, но не от дизайнеров, сеньорита что-то нажимала в своем айфоне. И тут, видимо, мысли Джона пришли в «порт назначения». «Вот они – ходят, сидят, болтают по телефону, смеются и к тому же безработные большую часть светлого дня. А мы-то их как раз в эту часть дня и займём полезным трудом, да за твердый доход».

Не сомневаюсь, что сразу же, мысленно потирая руки, Джон заторопился домой додумать свою идею и посоветоваться с партнёрами по фирме, как её лучше воплотить в жизнь.

– Да, это очень похоже на Джона, – сказал я. – Для президента маркетинговой фирмы медитировать в торговом молле – примерно как вояке ковать оружие на поле боя. Посмотрим, что из этого выйдет.

– Честно говоря, Саня, я и сама в неведении. Но у нас скоро большой технический митинг, на котором что-то да объявят.

На том совещании в фирме, которое Джон созвал через две недели после этого, была и Элка, и я, и многие, кто по роду своей работы должен был общаться с командой рисовальщиц «заборов». Когда все собрались, Джон в простых и немудрёных словах объяснил, кого он нанял на работу. А нанял он тех самых «ночных» девочек, которых в Вегасе, как известно, пруд пруди. Причём, рассказал подробно, почему не молоденьких и симпатичных, а как раз тех, которые уже в возрасте и спросом у мужчин почти не пользуются. Элла сидела красная, пока Джон говорил, а потом вообще уткнулась в какие-то бумаги и почти выбежала, а не вышла, из комнаты собраний первой, как только стало можно.

Надо ли говорить, что картинки с заборчиками пошли красивые, ровные и, главное, точно соответствующие зонам близости магазинов-клиентов. Оказалось, что никто столько не знает про американский шопинг, сколько женщины определённой профессии. В чём-чём, а в этом они эксперты. Вот она – самая древняя профессия. Пригодится к использованию и в высоких технологиях. Главное тут – фантазия, ну и норма прибыли, куда же без неё, проклятой.

(0216 Woodside)

История четвертая. «Капча»¹

Как-то я зашёл к Элле в офис и нашел её сидящей за компьютером. У девушки на экране висело окно браузера, а в нем был открыт чей-то блог-сайт, на который она писала свой комментарий маркетолога. Элла закончила печатать строчку, ввела в поле цифры с картинки, чтобы подтвердить, что она человек, а не программа, нажала на «ввод» и повернулась ко мне лицом.

– Привет, Саня.

– Привет, Элли. Смотрю я на то, что ты делаешь, и думаю про нашу технологически замурованную жизнь. Да, интернет полон неглупых, сообразительных людей. Но вот ведь какое дело. Стоит только кому-то придумать что-то, чтобы делать нечто, так сразу приходит некто и придумывает своё такое, чтобы это нечто перестало работать или хотя бы стало работать хуже.

Вот, к примеру ты сейчас забивала цифры в «капча», только чтобы доказать что ты не злой робот-спамщик, да?

– Почти угадал, но при этом всё-таки не угадал. Я проверяла, как работает наш новый «бот» с этим блог-сайтом, защищённым «капчей» от хакеров.

– Ну и как? Работает или нет?

– В общем, бот работает, но нестабильно.

– Да уж больно трудно заставить робота «видеть» содержание картинки.

– Хм.. Трудно? – фыркнула Элла, – скорее, просто невозможно. Одна надежда, что Джон придумает обходной вариант для всех этих «капч».

– Да, я помню время, когда «капчи» не было вовсе. Почти на любой сайт можно было зайти, оставить свое мнение в блоге и не думать о решении ребусов. Потом появились «злые» боты. Особенно некоторые с целью не прочитать сайт, а заглушить, сломать или вывести из сервиса вовсе. В ответ на это тогда и появилась «капча».

– И тогда жизнь маркетолога стала окончательно невозможной, – добавила Элла. – Причём первые «капчи» были простенькими программками, которые генерировали специальные ребусы,

1. A *CAPTCHA* is a program that protects websites against bots by generating and grading tests that humans can pass but current computer programs cannot. (Wikipedia)

которые могут решить люди и не могут преодолеть «боты». Я помню, на какое-то время помогло. Потом роботы поумнели, и вот последнее поколение «капч» таково, что и люди не все могут тот тест сразу пройти. А время-то моё, Саня, не резиновое. Вот, например, мы продали клиенту маркетинговый пакет, с обязательным упоминанием его товара и сервиса на нескольких популярных блог-сайтах. Так теперь я должна не просто сочинить статью для такого блога, я теперь должна её вручную

туда поставить. А сайтов-то много, мы говорим о полусотне, и это только для среднего клиента.

– Ну это относится только к «пишущим» роботам, ведь «читающие» боты не ограничены.

– Да, конечно, боты «гугл» или «яху» или других поисковиков, работающие в режиме только чтения, как работали, так и работают. Страдаем только мы – маркетологи.

– Так что, могучий Джон обещал научить наших ботов видеть?

– Примерно так. Сказал, что подумает над решением – взял срок недели. А мы пока вот пальцами машем, чтобы хоть как-то работу делать. Да иногда программисты новый робот подбросят, и бывает даже, что он работает на какой-то части сайтов.

– Да, Элка, ну ты попала. Впрочем, держи меня в курсе, а я пока подумаю, чем тебе помочь.

– Буду. Последняя идея была посадить дешевых ребят в дальних странах пробивать эти «капчи» вручную. Но я так поняла, что даже это, даже в дальних странах, всё-таки дорого будет. Всё, беги, я вижу по тебе, что ты уже опаздываешь.

Действительно, у меня начинался митинг, так что я закрыл стеклянную дверь и оставил Эллу в её офисе один на один с её «капчами» и их ребусами.

Дня через два в мой угловой офис открылась дверь, и вместе с запахом каких-то очень вкусных духов вошла Элка.

Распущенные черные волосы, модная кофточка, обтягивающая строгая бизнес-юбка чуть выше колен, каблук. Я глубоко выдохнул.

– Джон нанял дешевую фирму в Индии пробивать ребусы «капчи», – с порога сообщила Элла.

– Не самое хорошее решение. Они же не работают круглосуточно, да и зарплаты платить надо.

– А что еще делать?

– Элка, я думал над этой проблемой. Вот какая идея. Я тут слушал музыку на интернете. Много есть бесплатной музыки, но

есть и платная. Хотят чуть-чуть денег за каждую песню. Я вот подумал, а что если дать им денег в обмен на то, чтобы они решили ребус «капчи»?

– Не поняла, объясни поподробнее, – сказала Элла.

– Ну, скажем, я меломан, и хочу послушать конкретную песню конкретной группы. Песня эта забесплатно не доступна. С меня музыкальный сайт хочет два доллара за право купить и скачать к себе эту песню. Только вместо двух долларов, я решаю ребус «капчи», который мне подставляет твой робот. Музыкальный сайт получает деньги от нашей «Кросс-рекламы» за каждый ребус, подставленный нашим ботом и решённый их посетителями. Все в выигрыше!

Денежная цепочка выглядит примерно вот так. Клиент платит нам за то, что «Кросс-реклама» ставит статью о его продукте на много-много разных блог-сайтов. «Кросс-реклама» платит музыкальному сайту за каждый решенный ребус, чуть-чуть платит, можно даже договориться о скидках за количество. Меломаны забесплатно решают ребусы, и им за каждый решённый тест дают доступ к песне, которую они могут скачать и послушать. Все счастливы, и не надо никакую индийскую фирму кормить зарплатой.

– Саня, это гениальное решение! – Элка даже обняла меня за шею, но потом всё-таки удержалась от поцелуя. – Поднесу её Джону на завтрашней утренней планерке – пусть прожует и сделает.

К концу недели новая версия «Кросс-рекламного» «бота», который может подставлять ссылки на ребусы «капчи» была готова. Джон даже договорился с парой популярных музыкальных сайтов на тестовый прогон с понедельника. Боевой дух воспрянул, люди ходили по офису нашего «стартапа» легкой походкой, кто-то даже благодарил меня за идею.

Пришёл понедельник. Пришёл и ушёл. Вторник – тоже все тихо. Прошла неделя. К концу второй недели я не выдержал и потащил Эллу в кофейню.

– Ну что, как происходит решение ребусов «капч»? – спросил я, когда мы наконец-то нашли свободный столик и присели.

– Средне-паршиво, – ответила девушка, – уф, горячий какой этот «мокко», – она поставила стакан на стол и открыла крышку, чтобы остыл. – Музыкальные сайты кобенятся – хотят больше

денег и не хотят давать скидок за большой объём. Кроме того, они не работают круглосуточно.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну их посетители, меломаны, которые решают нам «капчи», они ходят на музыкальные сайты толпами. Вышел хит – толпа. Нет хита – никого на сайте нет. Кроме того, они ночами спят. Мы же гоняем наши маркетинговые роботы как раз в ночном режиме, и нам нужно равномерно решать определённое количество «капчей» за один интервал времени.

– Ну да, понятно, интернет работает быстрее по ночам, – сказал я.

– Быстрее и стабильнее. Все блог-сайты свободны, никто ничего не улучшает, не ставит новых версий и, походя, не ломает, – добавила Элла. – Есть, конечно, интернациональный контингент меломанов, но этих международных посетителей не хватает, чтобы решать весь объём тестов, приходящих от «капчей» с нужной скоростью.

– И что Джон?

– Туча чернее бывает, но редко. Индийских помощников он уволил, а вот расходы на музыкальные сайты только выросли. Несмотря на то, что мы подписали похожие партнёрские соглашения уже с большим количеством сайтов – ситуация не намного лучше, чем была сначала.

– Стоп. Сейчас сформулирую постановку задачи, – сказал я. – Значит, нужны сайты, работающие круглосуточно и имеющие посетителей, которые ночами не спят? А кто глухими ночами не спит?

– Элка, только не краснеть, ты правильно подумала, – воскликнул я. – Да за просмотр особого типа видеоклипов определённые сайты берут определённые деньги. А могут ведь вместо этого и ребус «капчи» решать. Надо только с ними поговорить и договориться о тестовом прогоне. Я не думаю, что они возьмут дороже музыкальных веб-сайтов.

– Саня, только такие испорченные личности, как ты, могут такое сообразить! – рассмеялась покрасневшая Элла.

– Кто из великих философов сказал, что надо рассчитывать на человеческие пороки, а не на добродетели?

Не знаю, как Элле удалось донести эту мысль до менеджмента компании и при этом сохранить свою репутацию неприступной строгости. Видимо, удалось. Как стало известно, Джон смог договориться с несколькими «порносайтами» за вполне разумные деньги. По крайней мере, проблем у наших маркетологов с «капчами» больше не было никогда. Вот,

видимо, и человеческие пороки можно использовать в мирных целях маркетинга.

(0216 Woodside)

История вторая

Жалобы потребителя

Я всегда подозревал, что многие красивые и модные гаджеты придуманы умными шутниками только для того, чтобы мы это заметили, проснулись от потребительской спячки и, быть может, громко вскрикнули от испуга за будущее.

Вот, к примеру, подарили жене недавно новенький «айпад-мини». Радовалась моя девочка, включила, установила время, почтовый адрес настроила. Купила к нему зелёный-презелёный чехол на магнитке. А потом пришла ко мне и сказала – «Дорогой, а не мог бы ли ты, пожалуйста, закачать на мой «айпад» фотографии нашего последнего отпуска?»

Слаб я на вежливые просьбы – в том смысле, что отказать не могу, да еще и жена ведь просит, не кто-то.

А надо сказать, что умные устройства я люблю и понимаю хорошо. И софта для них написал немало. Так, что я вполне удачно навигирую внутри разных «смарт» телефонов с операционками «андроид» или «ми гоу» или внутри лаптопов или совсем на «ты» с очень большими и важными серверами, на которых интернет стоит, как земля на китах. И всё у меня работает, как говорят, с «полпинка», или даже иногда с его «четверти». Скажем, хочу я скопировать фотки на свою «нокию» – воткнул её в лаптоп и нажал на команду «копи» – и всех делов.

Раз милая попросила, то нашёл время, стал разбираться. И в процессе понял, что придуман «айпад» не просто умными шутниками, но к тому же злыми и в плохую погоду, наверное. В очень плохую. Непонятно только, где они тут, в Калифорнии, плохую погоду нашли. Видно, работали урывками в краткий сезон дождей тёмного месяца января.

Словом, с «айпадом» всё оказалась гораздо хуже, чем ожидал. Сначала подсоединил к компьютеру. Только мой лаптоп его просто не «увидел».

Проверил провода. Проверил питание. Поковырял в настройках. Перезапустил компьютер и поднял лапки. Пошёл на сеть, «нагуглил» вопрос и получил ответ. Ответ – обалдеть: чтобы компьютер видел «айпад», нужна специальная программа по имени «айтюнс».

Вспомнил старые времена – хорошо, думаю, понял: каждая железка имеет право требовать своего драйвера – нет проблем. Поставил «айтюнс», чтобы управлять своим «айпадом». Запустил – не видит.

Проверил провода. Проверил питание, поковырял в настройках. Перезапустил компьютер.

Опять закинул невод в сеть, снова «нагуглил» вопрос и вытащил такой ответ – создай говорят, «аккаунт», зарегистрируйся на «клауд», и тогда твоя «айтюнс» распознает твой «айпад». Ладно, думаю, хрен с вами. Хотя непонятно технически – зачем заводить «аккаунт» на «клауде», чтобы скачать мои собственные фотки с моего же компьютера на мой же «айпад», к тому же еще и подключенный к нему проводочком?

Завел «аккаунт», зарегистрировался, авторизовал компьютер у «Эппла».

Запустил снова «айтюнс» – все равно не видит.

Проверил провода. Проверил питание, поковырял в настройках. Перезапустил компьютер.

В третий раз бросился в сеть, «нагуглил» вопрос и получил ответ – выдерни и воткни обратно свой «айпад».

Сделал, как советовали – и о чудо! – «айпад» теперь виден внутри «айтюнс» как внешнее устройство на моём компе. И даже иконка к нему такая красивая появилась – картинка «айпада» и справа стрелочка, как будто меню под ней вот-вот развернется. Ну я бегом и нажал на эту стрелочку. И тогда «айпад» исчез совсем. Всё, больше не вижу его в своих «айтюнс». А ведь был!

Был, зараза. Не померещилось ведь.

Яаяк! Впрочем, теперь кот учёный и немного сообразительный – сразу провод «айпада» дёрг из него, подождал несколько секунд и обратно в гнездо клик – и «вуаля!». Снова иконка «айпада» мне видна. Ну разве это и не есть счастье?

Теперь крадучись, аккуратно, чтобы мышь не дернулась, плавно нажимаю не на стрелочку, а на ту часть, где картинка- иконка. Победа!

Вижу, раскрылся диалог, предлагающий мне синхронизировать мои фотографии и даже видеоклипы между моим ноутбуком и «айпадом». Дальше просто – установил настройки, поехали. И фотки поплыли на «айпад».

Проверил. Есть. Отключил «айпад», приношу жене, гордо даю в руки.

Она – радостная – хватает, давай листать новый фотоальбом. Вдруг взгляд мутнеет, морщинки прибегают на лоб:

– Дорогой, а можно удалить вот эту фотку? Я тут не совсем хорошо выгляжу.

– Нет проблем.

Беру в руки. Жму на фотку – появляется меню: отредактировать, вырезать, поменять цвет, поменять разрешение, уменьшить, увеличить, сгрузить на «клауд», послать по почте кому хочешь или даже всем сразу, – словом всё, что можно сделать с картинкой – только не удалить! И даже «мусорная корзина» – иконка серенькая такая есть, но попасть туда -- никак. Нету такой функции – удалить. Не сделали.

Поковырял в настройках. Перезапустил «айпад». Налил крепкого чаю и пошёл в сеть.

Снова «нагуллил» вопрос и снова вытащил ответ – фотки, положенные на «айпад» с помощью «айтюнса», через функцию синхронизации удалить нельзя. А можно только воткнуть «айпад» обратно в компьютер, удалить их в компьютере и снова синхронизировать с «айпадом». И только тогда они и удалятся с него!

Ну не злые люди?

Или погода была просто швах и голова у них разламывалась от мигрени или похмелья?

Ну как же так – чтобы я мог отредактировать и не мог удалить без синхронизации?

А если комп мой уже сгорел? А если я не хочу эти фотки вообще удалять с компьютера?

Ладно, хрен с вами. Опускающийся вечер все равно пропал со всеми этими танцами.

Обреченно плетусь к компьютеру терять еще час своей жизни на то, чтобы только удалить с «айпада» несколько фотографий, о которых меня попросила любимая.

Иду и вдруг слышу вдогонку:

– Дорогой, я вот тут ещё хотела бы загрузить на свой «айпад» со своего ноутбука несколько любимых электронных книжек.

Сделаешь?

Ну я же вежливый человек. Я прошёл прямо, не останавливаясь.

Не то, что те злые шутники, что «айпад» придумали.

Да и погода за окном вроде бы ничего.

Солнышко. Красивый закат.

(0913 Woodside)

О, вы еще и курите!

Монблан – это легенда. Взойти на Монблан – это мечта. Наверное, поэтому на Монблан ходят толпы. Каждый начинающий или даже и опытный горвосходитель в какой-то момент чувствует в себе желание пройти по знаменитому снежному ножу вершинного гребня самой высокой горы западной Европы. Видимо, детская привычка сдавать трудные экзамены так до конца и не выветрилась. Попал в этот водоворот альпинизма и я.

Летом 2000 года мы договорились встретиться с моим студенческим другом Лёвой в Женевском аэропорту. На мою долю, как на долю американского гражданина, выпало арендовать колёса, переехать во французскую часть Женевского аэропорта и подобрать там Лёвку вместе со всем его снаряжением. Лев, будучи гражданином России, визы в Швейцарию не имел, но зато имел визу в Шенген, так что хоть через Францию, но добраться до Шамони мог. География Альп в этих местах переплелась с историей человечества таким образом, что из французской части Женевы во французский городок Шамони кратчайшая дорога пролегает по автобану через Швейцарию. Занимает та дорога всего-то чуть меньше, чем два часа. Однако надо помнить, что тогда на дворе стоял 2000-й, и с «Шенгенскими» визами в Швейцарию не впускали. Получение швейцарской же визы было отдельным, очень трудоёмким и не всегда успешным процессом для российских граждан. Легче, имея «Шенген», проехать через французскую территорию по горным дорогам, в объезд. Ехать приходилось неторопливо, через милые французские городки, и занимало это движение без малого часов шесть в одну сторону. А что делать?

Так и получилось, что к исходу шестого часа мы втянулись в долину. Впереди сужались высокие горы, впереди был городок Шамони, где нас ждала гостиница, последний цивилизованный приют перед горой. Шамони недаром называют столицей альпинизма. Маленький городок, расположенный в неширокой долине Альп, он окружен четырехтысячными снежными вершинами с вечными ледниками. Зимой Шамони является центром горнолыжного катания, а в сухое время года служит отправной точкой многочисленных горных или скальных экспедиций. Чуть ли не большее место в местных разновидностях спорта занимают парапланеристы. Эти летающие люди пользуются расположенными на склонах фуникулёрами, и в

летнее время всегда, в любой не дождливый день, можно увидеть в небе не один десяток кружащих людей-птиц. Говорят, что такое обилие опасных видов спорта привело к тому, что в местном городском госпитале подобрался самый хороший коллектив врачей-травматологов, известных на всю Европу. Почему-то я этому верю, хотя, к счастью, проверять не пришлось.

Лёвке я по-хорошему завидую. Он всегда хотел быть путешественником, сколько я его знал. И всегда был. Худой, жилистый, в темноволосых кудрях и с горящими глазами, учился Лёва в институте, как все, но при этом находил время, средства и силы проводить в горах всё свободное время. Про Лёву ходили истории, как правило, все правдивые, и пара таких «легенд» до меня докатилась.

После распада Союза он работал фотографом для передачи «Русский экстрим», лазил по тем же горам и по тем же стенкам, что и русская сборная по альпинизму, с той только разницей, что он ещё и носил на себе тяжёлую фототехнику, а не только необходимое для гор и скал снаряжение. В каком-то, по моему, 1998 году их команда стала чемпионами России по скалолазанию, за проход очень сложной стены в Непале на высоте 6 км. Приезжали они и в Америку – ходили на вершину Мак-Кинли. Как говорил Лёва, с Мак-Кинли получилось, что они приехали из Аргентины после восхождения на Аканкагуа (7000 м) и сразу перелетели в США, на Аляску. Был май месяц, точнее, его конец, и сезон на Мак-Кинли был странный. Много штормов и мало окон для восхождения. Так вот, их группа справилась всего за 10 дней, удивив своей оперативностью местных егерей парка. До того удивив, что один егерь им не поверил, что они всего за 10 дней сходили туда (на вершину) и обратно. Пришлось показывать фотки.

После Мак-Кинли, Лёва с другом добрались и до Калифорнии, где взошли на стену Эль-Капитана. Взошли быстро, всего за один световой день, как сказал Лев, «по необходимости». Маршрут на эту сложную стену обычно занимает несколько дней, и поэтому егеря парка Йосемити требовали, чтобы все скалолазы имели с собой и обязательно пользовались портативными туалетами. Как по умолчанию принято в «русском стиле» туризма, у ребят этого оборудования не было, да и ночевать на стене, пристегнувшись к скале, не хотелось сильно. Так что они торопились, лезли быстро и уложились за один день, благо летом световые дни длинные.

Но вернемся в Шамони. Прохладным утром, наскоро перекусив, мы вышли из гостиницы. Комнату решили не сдавать, а оставить за собой – вернемся через 3 дня, к тому же машину на паркинге гостиницы будет спокойней оставить, чем просто на улице. Подошли к фуникулёру, идущему наверх на высоту 3842 м, на гору Эгойи-дю-Миди, сели, поехали вверх. С плато Эгойи есть короткий выход на плато Монблана мимо вершины Монблан-дю-Такюль, и мы решили им воспользоваться. Тропа по леднику в это время года уже должна быть пробита другими восходителями, да и уклон на этом варианте маршрута небольшой, так что Лёва пошёл только с лыжными палочками, не взяв даже ледоруба, хорошо, что взял кошки. У меня подход к снаряжению был другой – всё по полной программе – и ледоруб, и кошки на ноги.

Кабина фуникулёра была плотно забита туристами, решившими прокатиться на такую высоту и посмотреть на виды. А виды того стоили. По мере подъёма городок Шамони уменьшался в размере и значительности, оказывалось, что он окружён зелёными лугами. Луга

оказались частью долины, по которой вилась речка и узкая линия дороги. Долина, в свою очередь, стала узкой и зажатой высокими неприступными обрывами гор. А горы по мере подъёма обретали снежные ледники, утыканные косынками черно-белых пиков и пилами хребтов. Защищённые от ветра стеклом кабины, мы не чувствовали высоты и падения температуры. Каков же был контраст, когда мы вышли на верхней станции и были встречены в упор потоками ветра, пробивающего сквозь легкую синтетическую рубашку насквозь, как её и не было.

Наскоро утепившись, включая шапочки и темные очки, мы ретировались с платформы фуникулёра и вершины Эгойи-дю-Миди вниз на плато, прямо на снег. Отойдя от станции примерно на километр, но не доходя приюта «Космос», стоящего на скале ещё в километре к западу от нас, мы нашли ровное и безопасное место под палатку прямо на снегу, прикрывающему ледник. Время ещё было раннее, и мы решили сделать тренировочный выход по тропе в сторону Монблана-дю-Такюль, разведать дорогу, по которой предстояло идти завтра, а также немного акклиматизироваться. Хотя я слабо верил в возможность акклиматизации на такой высоте, как мы оказались, сразу набрав на фуникулёре 3842 м над уровнем моря.

Мы прошли по хорошо видимой тропе не более 2 км, как она оборвалась на краю трещины шириной с хороший ручей. Без

специального оборудования перебраться через пропасть такой ширины было невозможно. Можно только было облизываться и смотреть на хорошо утоптанное продолжение нужной нам тропы на другом берегу.

«Скорее всего, это вчерашний или очень недавний разлом, или снежный мост рухнул, а егеря ещё даже не перебросили мостки. А ведь это основная тропа в районе. Попробуем обойти справа», – сказал Лев.

Мы пошли по снегу направо, и, действительно, через метров триста трещина сузилась и исчезла под снегом. Вместо неё по левой стороне исчезнувшей пропасти стала тянуться невысокая стена бергшрунда. Дав для безопасности зазор между видимым концом трещины и сплошным снегом без проломов и связавшись веревкой, мы осторожно перешли на другую сторону по снежному мосту. И сразу же уперлись в стену этого бергшрунда, по которой надо было вскарабкаться, чтобы потом повернуть налево и снова попытаться вернуться на тропу, с которой мы сошли для обхода трещины.

Увы.

Покрытая тонким слоем свежего снега, стена оказалась сделанной из прочного льда аж голубого цвета, такой он был плотный. Наши кошки бессильно скользили при попытке за этот лед зацепиться. Я пошёл первым, с ледорубом было легче. После нескольких минут усилий, врубая передние зубья кошек и клюв ледоруба почти по ручку, я смог вскарабкаться на берг. Посетовав на любителей ходить в горы с лыжными палками, я спустил ледоруб Лёве, чтобы и он тоже мог залезть. Собравшись наверху стенки, мы прошли несколько метров

налево и опять уперлись в трещину. На этот раз уже, но всё-таки не перепрыгнуть. А также бесконечно длинную, – казалось, она тянулась в обе стороны, насколько глаз видел. «Все, пошли обратно. Для акклиматизации нам хватит, а этой дорогой до Монблана в этом сезоне мы не дойдём», – постановил Лев. Что ж, с разбегу не получилось. Первую попытку восхождения Монблан отбил ещё на подходах. В альпинизме так часто бывает. Природные обстоятельства ломают планы. Опытный горвосходитель тонко должен чувствовать, когда надо напрячься и пробить ситуацию, а когда пора отступить и подумать.

Проделав всё то же самое в обратном направлении («выезжай, где въезжал», как говорил мой друг, таксист Санька из Питера), спустившись с голубого льда стены на снег и обойдя трещину, мы вернулись к палатке и нашим брошенным рюкзакам. Спускаться в

Шамони было поздно, вечерело и фуникулёр уже остановили – или на ночь, или потому, что поднялся ветер. Решено было провести ночь на плато. Есть не хотелось, но мы вскипятили воду и пили чай с лимоном и болтали.

Ветер к ночи усилился, причём настолько, что сорвал с колышек пристегнутую полу палатки, а когда колышек выдернулся, то мой рюкзак оказался на свободе, чем и не преминул воспользоваться. Хорошо, что я не спал и вовремя заметил. Выскочив из палатки в ботинках на босу ногу, я догнал рюкзак уже на краю небольшой трещины, в которую его вот-вот бы и сдуло.

А не спал я не просто. Мой организм, который подняли на такую высоту без акклиматизации, просто отказался спать. Есть, впрочем, тоже отказался. Головная боль занимала собой все имеющееся пространство мозга и, казалось, даже выходила за границы головы в другие органы. Горная болезнь раскручивала свои колёса, и эти колёса катили по мне волнами мигрени, сдавленным дыханием и болью в костях. Обладающий железным здоровьем Лев ничего этого не заметил и проспал всю ночь. Промучившись до рассвета и так и не задремав больше чем на полчаса, я разбудил Лёву, и мы стали собирать лагерь, готовиться к спуску вниз. Ветер, поднявшийся за ночь, так и не стих. В лицо полетели снеговые мётлы, когда мы начали движение обратно вверх, к площадке фуникулёра. Подъём против непогоды занял около 40 минут, и облегчение наступило только, когда мы вошли в кабину и оказались под защитой её толстых стекол.

Спускались мы в облаках. Там, где вчера ещё была зелёная, коричневая, красно-синяя долина сегодня не было ничего. Не было ни города Шамони с его туристами, не было речки, окружающих гор в белых ледниках и не было зелёных лугов у их подножия. Кабина фуникулёра, казалось, скользила в бездну. Однако в душе возникала лёгкость. Вместе со спуском, со сбросом высоты, тело начало оживать, и к подножию мы спустились с одной мыслью – еда. Шамони – очень французское место. В смысле поесть. И к тому же поесть вкусно, в этом городе большой выбор.

Шторм, который начался ещё наверху, к полудню разразился полноценной грозой с молниями и каскадами падающей воды. По улочкам посёлка потекли временные речки, но ресторанчики работали, и один из них приютил нас за небольшим столиком, заполненным вкусной едой.

Ничто так не поднимает настроения, как тёплое место, горячая еда и красное вино сразу после тяжёлого куска маршрута.

Решение о Монблане было отложено на завтра. А сегодня мы просто завалились в свою комнату и уснули, не до конца раздевшись и даже не приняв душ.

Битому неймется. Наутро от горной болезни не осталось и следа. До отлета домой было ещё несколько дней и, проснувшись довольно рано, мы, не сговариваясь, решили попробовать ещё раз. Вчерашняя гроза наглядно объяснила нам, что лучше будет взять обходной маршрут, чем снова рисковать попасть в зону низкого давления на леднике, полном непредсказуемых трещин. Этот обходной маршрут, собственно, и есть основная дорога на вершину, наиболее популярная и проторенная, если можно вообще говорить о проторенности в применении к альпинизму. Начинается она с заброски на высоту почти двух километров на поезде. Поезд на Монблан – это, наверное, самая старая железная дорога в этих местах Европы, существующая ещё с 19 века и поддерживаемая правительством. Больших изменений железнодорожная ветка, похоже, не переносила давно, и уж точно никаких – в плане дизайна.

Жёлтые узкие вагончики, под стать самой узкоколейке в одну полосу, были неплотно населены немногими пассажирами. Альпинистов не было вовсе. Видимо, прогноз погоды испугал всех на долгое время. Сначала поезд катился по предгорьям, а потом пошёл в гору, все круче и круче набирая угол подъёма. Устойчивость и сцепление на таком подъёме обеспечивалось конструкцией пути и паровоза. Паровоз пустил в ход, вместо обычных колес, специальные колеса-шестерни, которые цеплялись зубьями на зубчатую рейку, идущую параллельно основным рельсам. Так, на реечной передаче, он и тащил состав в гору, останавливаясь на небольших станциях, где местные крестьяне входили и выходили – кому куда надо. Через два часа неторопливого пыхтения поезд подошёл к конечной станции Святого Жермена в Бэйнсе. Всё. Дальше мы пошли пешком.

Сначала тропа набирала не круто, мы шли легко и даже иногда болтали о чём-то. Но через несколько километров подъём начался по-настоящему. Скальные выходы, крутые осыпи, которые приходилось траверсировать по крупным камням, в надежде найти тропу на другом краю, там, где ожидаешь. А потом вдруг мы вышли к обрыву тропы, в месте, где она перерезала скальный хребет, уходящий круто наверх по левую руку и так же круто вниз – по правую.

Обрыв был небольшой – всего-то с два человеческих роста, и, подойдя к краю, стало видно, как тропа круто спускается, пересекает узкий каменистый кулуар шириной всего в несколько метров и дальше продолжается на противоположном его берегу, резко забирая вверх.

«Это печально известное место на маршруте», – сказал Лёва. «Обходов нет. Нужно перебежать кулуар очень быстро, так как по нему с непредсказуемой частотой катятся камни. Получить куском скалы по голове или по ноге совсем не хочется, угадать, когда она пойдет и пойдет ли вообще, невозможно. Так что спускаемся, прижимаясь с нашей стороны, потом быстро перебегаем за несколько секунд и спокойно поднимаемся на противоположный край». Словно для иллюстрации его слов, большой обломок скалы и несколько мелких прокатились, слева направо и вниз по ущелью, набирая скорость и подсакивая в воздух от столкновений с дном. Подождав, пока всё успокоится, мы быстро, но осторожно спустились вниз, прижимаясь к стене кулуара, а потом по одному, в два-три крупных шага, почти прыжка, перебрались на другую сторону этой каменной реки.

За кулуаром тропа пошла резко вверх и вывела на каменистую стенку, по которой продолжилась крутым серпантином. Крутым настало, что приходилось помогать себе руками, чтобы набирать высоту, держать равновесие и не сбиваться с темпа и дыхания. Угол подъёма стал очень крутым, кое-где у тропы в скале даже были вбиты железные перила, а в одном месте мои глаза упёрлись в венки из цветов – видимо, кто-то когда-то упал и разбился. Впрочем, это мои догадки. Лёва, пользуясь своей тренированностью и здоровьем, убежал вперёд, вместе с тяжёлым рюкзаком и веревкой. «Поднимайся по тропе и не торопись, а я пошёл вперёд в приют занять нам место в гостинице и койки на ночь», – бросил Лёвка, уже исчезая за поворотом скалы.

Подъём по тропе у меня занял ещё часа три, и когда я наконец-то вышел на верхнее плато и вздохнул, мне открылось зрелище, стоящее всех усилий. Перед глазами расстились альпийские луга, покрытые мелкой зелёной травой, с небольшими пятнами снежников. За лугами, после небольшого подъёма на краю, стоял приют «Тетте Руссе» – одноэтажное вытянутое здание с острой крышей. За ним шла панорама альпийских снежных вершин в разрезах вертикальных неприступных черных стен, от одного взгляда на которые сквозило холодом.

Передохнув и поправив ляжки на рюкзаке, словно корабль, я поплыл через траву альпийского луга, держа курс на хорошо видимый отсюда вход в приют. Часам к шести вечера я был у входа. В лобби хостеля Лёву я не встретил, однако порттье показал, как пройти в общую комнату и посоветовал мне проверить в столовой на предмет моего русского друга. Однако я сначала прошёл в общую спальню гостиницы, чтобы сбросить рюкзак. Войдя через узкую дверь, осмотрелся. Вдоль длинной стены, изголовьем к ней, стоял ряд двухэтажных нар, в каждой нижняя и верхняя койка. Многие были свободны, но многие уже были заняты туристами на вечер. Кто-то спускался с гор, кто-то готовился к восхождению. Здесь встречались все людские потоки, проходящие через эту долину. Снаряжение было разбросано на кроватях, стоял гомон. После простора альпийских лугов воздух в общей комнате был спёртый. Я довольно быстро обнаружил Лёвин рюкзак на одной из нижних полок и бросил свой на пустующую соседнюю. Задерживаться в общей спальне не хотелось, я вышел и пошёл в дальний конец здания по коридору в поисках столовой. Лёва сидел один за пустым длинным столом и ел суп. Перед ним стояла банка с пивом.

«Присаживайся, дорогой!», – обрадовался Лев. «Рекомендую супчик – он вполне сносный и недорого стоит». И действительно, Лёва был прав. Суп был вполне съедобный. Добавив к нему сосиску, продающуюся там же, я хорошо подкрепился. Прелесть Альп в том, что это цивилизованные горы. Сеть хостелей, покрывающих основные маршруты, позволяет путешествовать без больших запасов еды и даже без палатки. Да здравствует цивилизация на высоте почти четырех километров!

После тяжёлого подъёма пить хотелось страшно. Я взял чай, а Лёвка ещё пиво, и мы сидели и болтали о горах, французах, снаряжении и черте о чём. Потом я достал фляжку с виски, и мы сделали пару глотков. «Лев, ты бы не пил пиво с виски, – сказал я. – Алкоголь вреден для высотной акклиматизации, а уж смешивать-то вовсе не рекомендуется». «Ты прав, – сказал Лёва, – но очень хочется».

В это время в столовую вошла пара высоких крепких парней, говоривших на незнакомом языке.

Они подошли к стойке и стали заказывать еду. Один из них посмотрел в нашу сторону, увидел фляжку, банки с пивом и странно как-то осклабился. Потом локтем подтолкнув приятеля, обратил и его внимание на нашу трапезу. «Лев, они чего просят, им налить, что ли?», – спросил я. «Не думаю, – ответил Лев. – По их наречию и внешнему виду, похоже, они баски и, если это так,

то они относятся к горам на полном серьезе – алкоголь ни-ни». «Это ты про басков придумал или вычитал? – спросил я. – Да так, друзья рассказали, когда мы по Альпам ещё в 90е годы ходили, за что купил, за то и продаю», – ответил Лев. Баски или нет – но смотрели парни на наше питье неодобрительно. Впрочем, на том все и закончилось.

Солнце закатилось довольно быстро, и стало темно. На плато поднялся ветер. Пора было ложиться спать. Завтра предстоял тяжёлый штормовой день. Надо было рано выйти, чтобы успеть взойти на вершину, пока снег не подтаял и пока кошки будут хорошо, не проваливаясь, держаться в фирне. Шум в общей комнате-спальне стал стихать по мере того, как все горовосходители ложились. Бельё решили не брать – постелили на нары свои спальные. Перед тем, как окончательно уснуть, как водится, я отправился на поиски туалета. Туалет в хостеле «Тетте Руссе» 2000 года заслуживает отдельной главы, как с точки зрения архитектурной, так и с точки зрения пользовательской. С тех пор, говорят, его переделали, и того уже нет.

В конце длинного и тускло освещенного от генератора коридора была дверь с соответствующей надписью на французском и испанском языках и со значком WC, чтобы точно было понятно, что за ней. Я толкнул ее и вышел на открытый воздух. Подо мной были деревянные мостки балюстрады, ведущие вокруг здания за угол. На углу горела ещё одна лампочка, освещающая лестницу-трап, ведущую к прямоугольному деревянному зданию с множеством дверей на фасаде, стоящему на леднике, возле обрыва в пропасть. Открыв такую дверцу, я оказался в персональной как бы кабинке, длиной несколько метров. Посреди кабинки вглубь уходил металлический жёлоб, шириной в человека, а в жёлобе ближе к его концу было сделано отверстие вниз прямо на ледник. Возле дверцы изнутри помещения стояла лыжная палка с широким, как и положено быть у лыжной палки, кольцом для глубокого снега. Из отверстия снизу вверх тянуло холодом, видимо, конструкция создавала тягу, как хороший дымоход в печках. Тяга эта была прямо пропорциональна не только размерам, форме отверстия и наклону жёлоба, но, видимо, ещё и усиливалась штормовым ветром, который гулял по просторам ледника, а в ночное время ещё и завывал. Впрочем, разговаривать мне было не с кем. Решив, что я не первый и что всё как-нибудь сработает правильно, я сделал, что надо, и,

закончив, бросил использованную туалетную бумагу в отверстие. Не тут то было. Тяга снизу немедленно вернула мне мою бумагу всю обратно. И частично, не только бумагу. Тогда я отошёл в начало жёлоба, почти к дверце, взял лыжную палку (так вот зачем она здесь!) и стал пихать в отверстие и бумагу, и все остальное, что ещё оставалось в жёлобе. Немое кино Чаплина можно было снимать без сценария. Боролся я долго, и попыток было сделано запихать всё это в трубу немало. В конце концов, дождавшись затишья в ветре, человек одержал победу над природой. Ура!

Когда я вернулся в общую спальню, в ней было темно, все спали, спал и Лёвка и даже похрапывал. Впрочем, не он один. В комнате, где спят полсотни незнакомцев, храп – это концерт разных немзыкальных инструментов, настроенных в разных тональностях и, конечно, разной громкости.

Я, помню, долго крутился, болела голова, – сказывалась высота, хотя и не так сильно, как в ту ночь на плато Эгойи, во время нашей первой попытки. Где-то под полночь всё-таки уснул. Но ненадолго.

Когда меня разбудили шум голосов и свет безабажурной лампочки, бьющий в лицо прямо из потолка, – она оказалась как раз над нашими с Лёвкой нарами – было три часа ночи. Кто-то сидел на постели и одевался, кто-то складывал снаряжение в рюкзак, кто-то громко втапывал ногу в ставший за ночь горный ботинок. Народ собирался на восхождение на вершину Монблана. Я растолкал Лёвку, на сон которого шумы не действовали, видимо, сказывалось вчерашнее употребление смеси виски и пива.

«Лёв, нам бы тоже пора собираться. Снег смерзшийся и твердый, и пока фирн держит. А то солнце взойдет, и мы закопаемся по колено в снегу на подъеме»

«А сколько времени?», – спросил Лев, практически не открывая рта и, точно, не открывая глаз.

«Три тридцать ночи. Народ собирается вовсю. Надеются застать хороший твердый фирн и быть на вершине раньше всех на сегодня».

«Они сошли с ума. Разбуди меня часиков в шесть, не раньше», – сказал Лёва и отвернулся от света.

Меня тоже трясло от недосыпа, так что я возражать не стал, а последовал примеру.

Второй раз меня разбудил уже Лёвка, взяв за плечо.

«Шура, ну что, пойдём на Монблан?»

Я посмотрел на часы – шесть утра. За окном чернота. Молча сев в постели, я стал одеваться.

«Ничего не собирай. Оставляем спальники как они есть – придём свернём. Надевай обвязку под пуховку, связываться друг с другом будем уже на высоте», – сказал Лев.

«Берем один штурмовой рюкзак на двоих, веревку, снаряжение, воду и перекус. И пошли».

Минут через 20 после подъема мы уже выходили на тропу, ведущую от двери приюта наверх, на предвершинное плато Монблана.

Первый резкий и очень бодрящий вздох наполнил легкие пробуждением. Организм встряхнулся, очнувшись от духоты и тепла приюта. Я посмотрел перед собой, потом проследил глазами подъемную тропу, уходящую в темноту. Зрелище было прямо потустороннее. В темноте ночи не горели ни звезды, ни луна. Видимо, высокие облака – следствие прошедшего шторма – закрывали горы. Было темно, но по горе перед нами тянулась цепочка огней, как будто освещенная фонарями узкая витиеватая улочка города, уходящая от подножия приюта прямо в небо.

Единственная разница с освещенной улочкой заключалась в том, что улочка эта жила и двигалась, причём двигалась вся сразу и целиком. Понятно, что расстояния между восходившими альпинистами были примерно одинаковые – в несколько шагов, все шли след в след, по крутому снежному склону, и у всех горели налобные фонарики. Феерическое зрелище!

«Вон они – трёхчасовые выходцы», – показал Лёва на самую вершину горячей цепочки. «Пусть себе идут, сейчас будет рассвет, и мы пойдём не хуже». Действительно, начав двигаться с фонариками, мы смогли их погасить где-то минут через 15, так хорошо была видна тропа на снегу. Поначалу края тропы обрывались в никуда, потом стали угадываться ближайшие отроги, а ещё через полчаса в ровном розовом свете начинавшегося дня видны стали склоны гор, весь подъём на плато, соседние ледники и приют внизу.

Подъём на плато был очень крутым и тяжёлым. Угол подъёма, по моим ощущениям, колебался от 25 до 40 градусов, тропа из множества набитых ступеней шла в лоб склона и круто вверх. Спасибо раннему морозному утру и кошкам, я смог идти не по тропе, а по твердому фирну, в своём темпе по своему серпантину, регулируя дыхание и экономя силы. После четырех часов изнуряющего подъёма, мы оказались выше ледника Бьоннасе, на пологой вершине Дом-дю Гуте, на высоте около 4300 метров. Отсюда открывался вид на Монблан, стоявший круто на плато в

конец далекого, но, похоже, не очень крутого набора высоты. Впрочем, до вершины Монблана нам было ещё полкилометра по вертикали и бог знает сколько по местности. Сделав краткий привал, мы тронулись дальше.

Однако всё время по тропе идти не удавалось. Появился встречный трафик из спускавшихся альпинистов, приходилось сходить, уступать дорогу. Иногда дорогу уступали и нам. В один из таких полустопов я обратился к спускавшемуся навстречу мужику, которого узнал – он был с нами в приюте Руссе прошедшей ночью. «Поздравляю с восхождением! Как быстро вы уже успели туда и обратно». «Никуда я не успел и не взойёл. Просто повернул обратно, не дойдя», – ответил он. «А в чём проблема?» спросил я в ответ. Парень на вполне понятном английском с сильным французским акцентом, перебиваясь с дыхания, объяснил: «Ветер. Там на верхнем плато возле приюта Валло сумасшедший ветер. К началу взлёта на Монблан просто не подойти. Метёт снег и сбивает с ног. Тропу замело. Куда идти – непонятно. Не тратьте силы – поворачивайте обратно отсюда. Завтра обещали хорошую погоду, завтра взойдете»

Завтра-то как раз у нас уже и не было. Как я заметил за годы путешествий и, особенно, занятий альпинизмом, самолётные билеты всегда находятся в конфликте с погодой. Так что либо сегодня, либо вообще в другой раз. Ветер действительно дул. Но пока шлось. В порывах ветер достигал такой силы, что приходилось часто останавливаться, втыкать ледоруб в снег и пережидать порыв, держась за клюв ледоруба и упершись кошками в снег. Через некоторое время, уже пройдя вершину Дом-дю-Гуте, мы решили передохнуть от подъёма и, главное, попробовать переждать ветер в приюте Валло, находящемся прямо у нас на линии движения, немного впереди.

Приют Валло – это металлическая квадратная комната, расположенная на высоте одного этажа над краем ледника, там, где он переходит в скалу хребта. Вход в неё по наружной специальной лестнице, начинающейся прямо со снега и ведущей к площадке –прихожей, откуда открывается дверь в общую комнату. В комнате было уже несколько человек, которые так же, как и мы, спрятались от ветра или просто переводили дух после изнуряющего подъёма. С удивлением для себя я обнаружил у дальней стенки почти в углу комнаты наших вчерашних басков. Видимо, они вышли из приюта вместе с той раннеутренней толпой и теперь застряли в ожидании затишья в ветре и поднятой им

позёмке. Они сидели на рюкзаках, прислонившись спиной к железным рёбрам жёсткости стены приюта. У ног одного из них стоял термос, а другой держал в руке бутерброд. Увидев нас с Лёвой, ближайший к нам баск улыбнулся, и, повернувшись к приятелю, что-то ему сказал на ухо. Лёва тоже заметил наших незнакомцев. «А вот и пара наших утренних побудчиков, вот мы их и догнали», – отметил Лев.

У входа мы сняли кошки, нашли свободное место у стенки и сели прямо на пол, сдернули перчатки и подняли очки. «Если ветер стихнет, нам отсюда ещё часа четыре до вершины, а время всего-то полпервого», – отметил Лёва, посмотрев на часы. Порывы ветра бились в хижину, где-то стучало железо о железо, и казалось, что этот хлипкий домик вот-вот взлетит, а всех нас постигнет участь Элли и её Тотошки. Мы избавились от ветра, заменив его на грохот и вой, так что сидеть приходилось молча, а если и говорить, то прямо в уши собеседнику. Отпив из фляжек (есть ничего не хотелось, сказывалась высота) и отдохнув где-то минут 40, мы решили попробовать Монблан. «Долго здесь сидеть всё равно нет смысла. Горняшка от такого сидения не проходит, а время утекает. Я предлагаю попробовать штурм и, если нет, то развернёмся и пойдём на спуск. Давай только свяжемся, а то дальше по маршруту уже есть места, куда падать», – предложил Лёва.

«Согласен. Вот только штаны подтяну», – пошутил я.

В связке наше движение было ничуть не медленнее, чем до этого. Мы ползли, часто отдыхая, убрав лицо от ветра, чтобы было легче дышать. Тропы не было видно, но зато был виден Монблан, и под снегом можно было ещё угадать расположение основных провалов, которые надо было обходить, так как рисковать переправами через трещины по невидимым снежным мостам вслепую мы не хотели. Характер снега на высоте изменился. Вместо твердого фирна он стал рассыпчатым порошком – идеалом и мечтой горнолыжника на каком-нибудь лыжном курорте, но являлся самым нежелательным для альпиниста. При каждом шаге мы проваливались, как говорил Лев, «по аденоидам», при этом расположение этих «аденоидов» было понятно и без слов.

Шли след в след, задний отдыхал, пока передний тропил. Тропить было тяжелее всего, поэтому тропили по очереди, сменяясь через каждые 15-20 минут хода. Однако мы шли! И поворачивать назад необходимости не было.

Большущим подарком природы был момент, когда где-то через полтора часа напряженного хода, ветер вдруг стих. Его просто выключили. Как не было. Небо расчистилось, и из его голубизны засветило прямое солнце. Мне даже стало жаль всех тех людей, которые проснулись в три часа ночи и вынуждены были повернуть обратно, не дождавшись этого момента. Мы остановились передохнуть. Я снял перчатки – становилось жарко от движения и подъёма. Перед нами простирался никем не топтанный сегодня первозданный гребень Монблана. Мы были одни. Один на один с Горой, погода вдруг стала великолепная, и настроение приподнятое.

«Это очень редко, когда можно на самом популярном маршруте Альп в середине сезона быть первым на вершинном гребне, да ещё и когда нет никого вокруг», – сказал Лев.

Отдышавшись, пошли дальше. Впрочем, уединённость нашего движения скоро была нарушена. В один из передыхов, после замены лидера, я посмотрел назад и увидел две тёмные точки, быстро нагоняющие нас и идущие по нашей пробитой тропе след в след. Я показал на них рукой. «Похоже на наших баскских друзей», – сказал Лев. По мере подхода к вершине плато сузилось, угол набора стал круче, и мы нашли себя идущими по хребту, покрытому снегом. Для безопасности мы шли с его более пологой стороны, не приближаясь к краю на несколько метров. «Край точно висит над пропастью северной стены Монблана. Особенно учитывая какой силы был ветер, он наверняка надул большущий карниз неизвестной ширины, и мне не улыбается обломить его, чтобы улететь вниз вместе с лавиной», – отметил Лёвка.

Идти стали более осторожно и медленно. Через час хода мы сели передохнуть прямо в снег. Баски почти приблизились. Им оставалась до нас всего метров 50. «Давай подождём и пропустим этих здоровых и молодых лосей вперёд», – предложил Лев. «Пусть теперь они нам потропят, а мы легко пойдём по их следам». Сказано – сделано. Лёва закурил сигарету в ожидании, когда нас обойдут. Ребята приблизились. Пробурчали приветствие на ломаном английском. Лёва ответил им по-русски, а я по-английски. Баски прошли вперёд по нетронутому наклонному снегу с правой стороны гребня шагов двадцать-тридцать и тоже сели отдыхать.

«Посмотри, Шура. Ленивые бугаи. Протропили двадцать метров и уже выдохлись. Сидят и ждут, пока мы пойдём вперёд и сделаем за них всю работу по пробивке дороги в снегу и по нахождению

безопасной тропы на вершину», – заметил Лев. Погасив бычок в снег, Лёва встал – была его очередь идти первым, и мы пошли, точнее, поползли, дальше. Баски посмотрели на нас со странной смесью зависти и восхищения. Мы же обошли сидящих парней и стали набирать высоту, целясь прямо на вершину Монблана. Мне повезло. Последний предвершинный участок тропёжки был мой, и хотя я хотел уступить его, Лев отказался. «Я там уже был», – ответил он на моё предложение. Впрочем, в связке это не важно. Оба входят на вершину одновременно.

Откуда силы взялись – непонятно. Только я шёл так, как будто не было никакой горной болезни, не было изнуряющего подъёма, не было борьбы с ветром и разбитой, почти бессонной ночи. На вершинах гор, как известно, ничего нет. Кроме вершинного маркера, ну и самой вершины. Вершиной называется место, откуда куда ни пойдешь – всюду пойдешь вниз. Ну, и ещё, куда ни посмотришь – всё, что увидишь, будет ниже. С высоты 4801 метра чуть пониже нас вокруг были видны снежные Альпы. Много-много ещё не пробованных нами вершин, пиков и перевалов между ними.

В изнеможении, взойдя на собственно вершинный бугор, я сел, а потом и вовсе лег на спину. Подошёл Лев. Сел рядом. Через минуту-другую – достали флягу и мы отпили по очереди. Лёва вынул пачку сигарет.

«Хочешь?» «Да, давай и мне тоже», – согласился я. Ветра почти не было, и мы легко прикурили. В это время подошли баски. Встали рядом. О чём-то между собой поговорили. Вдруг один из парней, отдышавшись, обратился к нам на сильно акцентированном английском:

«О! Вы ещё и курите!»

«Мы ещё водку пьем и женщин любим», – ответил Лев. Я перевёл.

Мы сидели на вершине Монблана, курили и были счастливы.

(2015 Woodside)

О, вы еще и курите!

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Наблюдение	7
День первый	8
День шестой (фрагмент)	9
Отражение письма	10
В тени камней	12
Письмо к Р.	14
«Потому что я мертв»	16
«Это время детей, для меня собирающих камни.»	17
Концерт русского хора	18
Следы	19
Элегия	20
Сюрреализм	22
Крымская элегия	24
Москва	26
«Ну дайте мне хоть одну эпоху»	27
Путешествие в Москву	28
Новозеландский пейзаж	32
«Сорокадевятник»	34
Дон Хуан	36
Вид на Руан	37
Гавайские открытия	38
Открытка из Лиссабона	40
Открытка из Синтры	42
Сан-Францисский романс	43
Альпийская открытка	44
Зима в Сан-Франциско	45
Деревенские хроники	46
Джаз в Одессе	48
Халфмунбэй блюз	50
Открытка с Ки-Веста	52
Пиренейская открытка	53
Прогулка	54
Французский квартал	58
Горные львы	60
Папе	62
52 Сентябрь	64
Песенка	65
Собиратель	66
«Так пахнут твоей музыкой стихи»	68
«Моя маленькая царица, как ты выросла»	69
День Благодарения	70
Соблазн собачника	71
Курсовая работа	74
Рождество	76

Проза

Из цикла «Истории Кремниевой Долины»	
О древних профессиях и высоких технологиях	81
Капча	89
Жалобы потребителя	95
Из цикла «Непутевые заметки»	
О, вы еще и курите!	99

СПАСИБО!

*Мне повезло быть близко знакомым с **Аллой Виксне** и **Павлом Тайбером**, искусство живописи которых так украсило эту книгу.*

*Так же специальное спасибо **папе Пете** и **Санечке**, за редактирование, критику, терпение и любовь.*

*Отдельная благодарность **Маше Перцовой** за отзыв (см на сайте www.nomer.us) и **Тане Строгоновой** за правки.*

Автор.

